

АЛЕКСЕЙ ХРЕНОВ

МОСКОВСКОЕ ЗОЛОТО

— ИЛИ НЕЖНАЯ ПОПА КОМСОМОЛКИ —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Часть третья

Алексей Хренов

**Московское золото, или Нежная
попа комсомолки. Часть 3**

«Автор»

2026

Хренов А.

Московское золото, или Нежная попа комсомолки. Часть 3 /
А. Хренов — «Автор», 2026

"Когда твоя жизнь это постоянный вираж, скучать некогда!" Дружба, враги, любовь и самолёты! А девушки? И девушки, как всегда! Добро пожаловать в хаос Гражданской войны в Испании! Жизнь морского лётчика Лёхи, оказавшегося в 1936 году, напоминает фильм, где комедия перемешана с драмой, а экшен сменяет шпионские интриги. Советский пилот, бомбардировщик или истребитель? Атаки на линкоры, стычки с мессерами и неожиданные повороты судьбы. Он шутит с товарищами, спорит с начальством и умудряется спасти мир, пока самолёты едва держатся в воздухе. Испанское золото, опасные миссии и нелепые происшествия - это всё лётчик Лёха Хренов!

© Хренов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. СинхроФазоВставлятель	5
Глава 2. Он первый начал!	10
Глава 3. «Парижский вечер»	16
Глава 4. Ляля-бася и прочие мелочи жизни	21
Глава 5. Хрен ишака	27
Глава 6. По краю ходим мы...	32
Глава 7. Помидоры и прочие части тела...	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Хренов

Московское золото, или Нежная попа комсомолки. Часть 3

Глава 1. СинхроФазоВставлятель

24 мая 1937 года. Аэродром Лос-Альказарес, 20 километров до Картахены.

Приземлившись на аэродроме и едва зарулив на свою стоянку, Лёха пулей выпрыгнул из самолёта и рванул к стоянке приземлившихся И-пятнадцатых. Так быстро этот обычно нетопливый лётчик ещё никогда не бегал – триста метров пролетели, как миг.

Первый из пилотов приземлившихся истребителей, начал что-то объяснять, шагая навстречу Лёхе. Но тот, не слушая, со всей молодой дури влепил ему кулаком в челюсть. Лётчик в шлеме вздрогнул, глаза его собрались в кучку, он вбрыкнул ногами и буквально улетел куда то под крыло истребителя.

Лёха, кипя от ярости, уже мчался ко второму самолёту. Его пилот, увидев совершенно побелевшего Лёху, несущегося на всех парах, как межконтинентальный экспресс, что то крича, бросился прочь, не дожидаясь дальнейших объяснений. Потом набежавшие лётчики, техники и просто оказавшийся рядом люд пытались оттащить Лёху от пилота истребителя.

Через какое-то время, вернувшись к своему самолёту, Лёха достал здоровенную бутылку местного самогона, забрался на лавочку над обрывом к морю и стал пить. Сначала молча, потом тихо ворча, а потом уже вслух, будто Кузьмич был рядом. В какой то момент Лёха стал сам с собой говорить в слух, обращаясь к исчезнувшему Кузьмичу, вспоминая их приключения, иногда со слезами извиняясь, если он был не прав...

Будучи устремленным вдаль, его взгляд почти не фокусировался на окружающих предметах, правая рука машинально нашаривала бутылку и он отпивал крепкий напиток прямо из горла, почти не чувствуя вкуса.

– Прости меня, Кузьмич! Ты был, наверное, моим лучшим другом! – проговорил Лёха со слезами, глядя куда-то вдаль, не видя ни моря, ни горизонта.

Рука, машинально шаря по лавочке, снова нащупала бутылку, и Лёха отпил ещё. Однако, потянувшись за пузырьком в очередной раз, рука цапнула пустоту. Его взгляд попытался сфокусироваться на месте, где только что стояла бутылка, и Лёха увидел как чья то волосатая лапа опрокидывает её в горло какому то лохматому и усатому чудищу.

– Ах ты! Отдай! – крикнул Лёха и встал, пошатнулся и попробовал отобрать бутылку, сделав несколько махов руками.

– Вот! А говорил – друг! А сам в одно рыло ханку трескаешь! – раздался знакомый и почти родной, ворчливый голос из недр «лохмадавчика».

– Кузьмич?! Мне пока рано в рай! Мне сихроно... синхрата... синхра... фаза... трахатель... строить ещё надо!

– Свой фаза трахатель ты Наденьке заправлять будешь! Дай бутылку, кому сказал! – перед Лёхой, слегка покачиваясь вместе с окружающим миром, материализовался Кузьмич.

– Кузьмичиич! Аааа! – Лёха сделал шаг вперёд, но тут трава вдруг подпрыгнула, закрутилась и больно ударила его в нос. Мир померк.

Как выяснилось позже, Кузьмич, вылетев из самолёта и кувыркнувшись несколько раз в потоке воздуха, успел инстинктивно сгруппироваться и дернуть кольцо. Ноги взлетели выше головы, и он повис на стропах под белым куполом парашюта, буквально в двухстах метрах от земли.

Как потом не единожды рассказывал сам Кузьмич в компаниях:

– Лечу я, значит, в воду, – говорил Кузьмич размахивая руками, – метрах в пятидесяти от берега. Думаю, всё, сейчас запутаюсь в шёлке, утону. Бултых! Приземлился, вынырнул, руками шёлк отпихиваю, ногами шевелю... и раз – и до дна достал! Встал. Не вижу нифига – мокрым шёлком всего облепило. Поверить не могу! А там по пояс!

Слушатели хохотали, а Кузьмич каждый раз добавлял:

– Вот так, товарищи, судьба меня любит. А иначе как я до сих пор с этой ходячей катастрофой летаю!

30 мая 1937 года. Море около Ибицы.

Приземлившись и выключив двигатели, Лёха, охая, вылез из кабины своего бомбардировщика. Кряхтя, как старый дед, он разогнул спину, лёг на вытоптанную траву и замер, бесцельно глядя на небо, вспоминая, как всё началось этим утром.

– Расстреляют, наверное... – лениво закралась в его мозг крамольная мысль. – Или героя дадут... Или и то, и другое одновременно! – чувство юмора, наконец, проснулось и победило хандру в характере нашего героя.

Утро не предвещало ничего необычного: очередная планёрка, дежурные доклады, указания командования. Но в середине совещания звену морских лётчиков неожиданно выдали персональное распоряжение.

– Сегодня действуете по заявке флота, – коротко сказал Проскуров при постановке боевых задач. – Наконец-то вспомните свою морскую специальность. Есть информация, что мятежники отправили крейсеры «Канарис» и «Балеарис», – усмехнулся он, – в сторону Балеарских островов на перехват наших конвоев. Так что взлетайте по готовности и работайте.

Вслед за Хованским и Остряковым Лёха коротко кивнул, отвечая почти автоматически:

– Непременно, – и на лице мелькнула хитрая улыбка. Мысли уже рвались вперёд: «Вот и проверю свои идеи».

Он давно хотел испытать свои идеи по атакам на морские цели. Тот памятный сброс пятидесяти килограммовой бомбы, чтобы отпугнуть английский эсминец от советского парохода, засел в его мозгу не вынимаемой занозой. Уж больно хорошо тогда скакала пущенная по волнам бомба. Пару подкрыльевых держателей с «Протеза» у него быстро конфисковали и отправили в Советский Союз для изучения, копирования и организации производства.

Пока обещания советской промышленности не спешили воплотиться в реальность, лётчикам приходилось атаковать корабли с горизонтального полёта. Попасть в небольшую и быстро движущуюся цель при таком способе было из разряда чудес.

Изрядно финансово простимулировав испанских техников и проявив чудеса изворотливости в добывании материалов, Лёха изготовил пару подкрыльевых держателей по типу и подобию "протезовских". Ещё четыре штуки испанцы обещали доделать в ближайшие недели.

– Ну, тут уж как пойдёт, – смеялся про себя Лёха, хорошо знакомый с оперативностью и обязательностью испанцев.

Из разобранного на две части держателя для торпеды получилось ещё два держателя для бомб, и вся система позволяла взять на внешнюю подвеску аж четыре бомбы. Как всегда, испанская система снабжения не блистала изобилием и могла предложить только стандартные советские стокилограммовые изделия.

– Спасибо и на этом, – думал Лёха. – Хотя, конечно, хочется запулить килограммов по двести пятьдесят, а лучше и по пятьсот.

Лёхина «Катюшка», в девичестве скоростной бомбардировщик АНТ-40, взяв четыреста килограммов бомбовой нагрузки и английскую фотокамеру F24, именуемая "Бандура", в бомбоотсек, остальное добрала по максимуму топливом и маслом. Машина была заправлена

доверху, как говорится, по самые пробки бензобаков. Она радостно сверкала на солнце залатанными и подкрашенными пробоинами в крыльях и фюзеляже, ожидая вылета.

– Посмотрим, – рассуждал Лёха, проверяя крепления. – Если всё пойдёт нормально, то пара под одно крыло, пара под другое. Красота! Вряд ли скорость так уж сильно упадёт от этого.

Подготовка завершилась, и теперь его «Катюшка» готовилась показать, на что способна с таким нестандартным оснащением.

Обсудив со своим непосредственным начальством порядок действий и районы боевого патрулирования, экипажи разошлись по самолётам. Надо сказать, что благодаря Лёхиным махинациям, изрядно приправленным и смазанным обменённым на наличные песеты испанским золотом, Лёха сумел раздобыть третью радиостанцию на самолёт Хованского, и теперь морское звено было самым радиофицированным среди всех испанских ВВС. В кои-то веки автоматизация шла снизу, а не сверху, и начальству технические новинки доставались в последнюю очередь.

– Эх, ещё бы в Картахену флотскую станцию поставить, – мечтал Лёха, думая, где бы спереть или кого бы напярч на спереть недостающее оборудование. Стоящие на кораблях станции не совпадали с самолётными по частотам и использовать их не представлялось возможным.

Экипаж занял свои места и доложил о готовности.

– Поехали, – объявил Лёха по переговорному устройству и толкнул рычаги управления двигателями вперёд, – Товарищи пассажиры, наш самолёт сегодня пилотирует лётчик высшего класса, заслуженный мастер парашютного спорта Алекс дон Хренов. Просьба покрепче пристегнуть ремни и проверить чистоту ваших парашютов.

Самолёт начал медленно разгоняться, натужно ревя моторами, он нехотя оторвался от земли в самом конце взлётной полосы. Чистое испанское небо приняло его в свои объятия. Ни облачка. Идеальная видимость – миллион на миллион.

Около часа Лёха наслаждался полётом, прежде чем на горизонте показались очертания острова Ибица. Он начал пологое снижение.

В шлемофоне прорезался голос стрелка:

– Командира, Острякова передала, она бомбила «Канариса» около порта Ибица. Попала передала, координата 45-05 по улитка 4, – в моменты волнения вполне себе чисто говоривший по-русски Алибабаевич проявлял особенную любовь к женскому роду русского языка.

– Кузьмич, сколько нам до порта Ибицы, – спросил Лёха,

– Двадцать минут, – быстро отозвался штурман, – бензина пока хватает.

Особенно долго не раздумывая Лёха отдал приказание проложить курс на Ибицу.

Раненый при налёте на Майорку, Кузьмич неделю провалялся в госпитале Картахены и сбежал оттуда, хромя на палочке, говоря, что среди своих его нога заживает лучше, а в госпитале её вообще угрожали отрезать. Теперь он мучаясь в тесной кабине, притащил откуда то матрас, стараясь устроиться лёжа, чтобы не тревожить раненую ногу.

Ещё через пятнадцать минут штурман снова прорезался по внутренней связи:

– Командир! Похоже, наш «Канарис» на горизонте. Только не в порту, а вполне себе так бодро чешет в море. Идёт курсом на Гибралтар. Наверное испугался, что сам дон Херров к нему сейчас свой фаза трахатель применит! Вот он и смылся, хотя конечно слегка дымит и пованивает! Давай-ка утопим этих сеньоров! – пошутил штурман.

Георгий Кузьмич, или просто Кузьмич, как его называл Лёха, был штурманом высшего класса. Но это не мешало ему регулярно подшучивать над командиром. Лет на пятнадцать старше Лёхи, он был «старым штурманом», как она сам себя называл. Он попал в военно-морской флот после того, как с трудом избежал ответственности за аварию самолёта в Севморпути. Флотское звание лейтенанта и шанс избежать десяти лет в лагерях, а то и расстрела, делали

эту командировку особенно привлекательной в его глазах. Но подколоть Лёху он считал своей обязанностью.

– Кузьмич, знаешь, тут приказ вышел! Всем флотским шутникам немедленно сбривать усы! Когда ты высываешься из люка, посмотреть на звёзды, оказывается, они обзор стрелку полностью закрывают! А при прыжке с парашютом ещё и в стропах путаются! Так и полетишь камнем вниз акулам на закуску! Или думаешь акула испугается твоего штурманского значка? Ладно, пошли посмотреть, кто там такой смелый катается.

– Моя хорошо сквозь усы видит! – немедленно внёс свои пять копеек в веселье стрелок.

– Алибабаевич, смотри по сторонам внимательно, – направил разговор в нужное русло Лёха.

– Моя хорошо смотрит! Хвост чист! – продолжил веселится стрелок, – Просто иногда какой-то буква не выговариваю!

– Я и говорю, Алибаиш, если ты прощёлкаешь истребители на хвосте, я тебе самый толстый ибн Оглу в зад засуну и проверну несколько раз! Паноптикум, а не экипаж! – посмеялся Лёха.

Через несколько минут крейсер стал заметно ближе, и его можно было хорошо разглядеть уже с высоты двух километров. Огромная стальная туша медленно двигалась по воде, словно предчувствуя, что внимание небес приковано именно к ней.

– Флаг разобрать не могу, – доложил Кузьмич, разглядывая через бинокль пытящий внизу корабль. – Вижу у него знатный дым на корме. Похоже, это «Канарис», который Остряков бомбил, – выдал свои заключения Кузьмич.

Но выяснять принадлежность корабля долго не пришлось. Зенитная артиллерия крейсера оказалась вполне готова к неожиданным гостям. Внезапно зенитки со стороны судна открыли огонь, и по курсу Лёхи стали вспыхивать чёрные шапки разрывов. Самолёт несколько раз ощутимо трянуло, а осколки с характерным звоном застучали по фюзеляжу.

– Восемьдесят восемь миллиметров похоже! Ах вы, суки недорезанные, – произнёс Лёха сквозь стиснутые зубы. Его глаза сузились, и он резко завалил самолёт в правый вираж, уводя его подальше от огня с крейсера. Разрывы остались чуть позади, но напряжение не спало.

– Штурман, фиксируй курс на крейсер, – коротко бросил он, закладывая большую дугу. План начал складываться в голове, он уже не сомневался, как провести атаку.

Снизившись до трёхсот метров, Лёха заложил ещё один вираж, внимательно следя за огнём зениток. Когда дуга была завершена, он вновь взял курс прямо поперёк курса крейсера. Высота стремительно уменьшалась, и самолёт уже ощутимо гулял в потоках воздуха от воды.

– Кузьмич, заходим поперёк курса, – Лёхин голос звучал уверенно. – За километр до цели я выйду на пятьдесят метров высоты. Командуй влево-вправо. Сброс на тридцати метрах по высоте, дистанция – триста метров до крейсера. Скорость – триста.

– Принял, командир! – раздался ответ Кузьмича, и тот уже начал ловить своей деревянной торпедной линейкой огромный корпус корабля, который становился всё ближе. Теперь всё зависело от точности, выдержки и холодной головы экипажа.

– Понял, командир. А не еб@нёт? На своих бомбах то не рванём, в смысле! – в голосе Кузьмича слышалось изрядная толика сомнения.

– Не должны, – отозвался Лёха, сосредоточенно следя за приближающимся крейсером. – Англичанам тогда так же сбросили, и отлично. Лупи всё сразу, и камеру сразу готовь, – распорядился Лёха.

Моторы ревели, самолёт мчался над водой, едва не касаясь сверкающей под солнечными лучами глади. Высота в тридцать метров была минимальной, воздух внутри кабины вибрировал от напряжения, словно сама машина чувствовала, насколько близок момент атаки.

Глухой рык моторов дополнял звенящую тишину ожидания. Бомболюки раскрылись с тихим скрипом, и самолёт, как хищник, замер на секунду, готовясь выпустить в полёт свой смертоносный груз.

Цель стремительно приближалась, серый борт огромного корабля вырастал на глазах, закрывая собой весь горизонт.

– Лево три... ещё лево один... так держать! – чётко командовал штурман, всматриваясь в цель через прицел своей сосновой линейки. – На боевом. Три, два, один... Сброс! – заорал в шлемофон Кузьмич, почти перекрывая шум мотора, – Бомбы пошли!

– Получайте, суки! – крикнул Лёха, не удержавшись от эмоций.

Сразу после сброса он резко потянул штурвал на себя, одновременно нажимая правую педаль. Самолёт с напряжённым стоном рванул вверх, буквально перескакивая над передней башней крейсера. На какой-то миг Лёхе показалось, что он видит удивлённые лица офицеров на мостике. Тут сзади оглушительно загрохотал крупнокалиберный пулемёт стрелка, добавляя свой небольшой вклад в хаос войны, словно огненной метлой, сбрасывая вражеских моряков с мостика корабля.

Самолёт резко заложил правый вираж, проходя в опасной близости от воды, и также резко пошёл в набор высоты.

– Горит! Командир, горит! Есть! Два взрыва! – радостно кричал радист, не скрывая своего восторга. – Их самолёт горит, и в одну маленькая пушка попали!

Лёха выровнял машину, снова положил её в пологий вираж вокруг крейсера и дал команду:

– Штурман, снимай кино. А потом давай, рисуй курс на базу.

И тут он не удержался, спросил по внутренней связи у Кузьмича:

– Кузьмич, какого хрена ты в ста пятидесяти метрах от корабля бомбы запустил? Чуть не вцепились в это корыто! Перепрыгнули почти над головами фашистов! А если бы бомбы через крейсер перескочили?

– Так чтоб фашисты наверняка обосрались! У меня не перескочат! – с весёлой наглостью и без тени сомнения ответил штурман, щёлкая фотоаппаратом и попутно вытирая пот со лба.

Самолёт, освободившись от четырёхсот килограммов смертельного груза, с заметной лёгкостью набирал высоту. Ощущение тяжёлой тревоги постепенно сменялось облегчением. Машина уверенно уходила из зоны опасности, а под крыльями осталась вспененная вода, горящий крейсер и чёрный столб дыма, медленно поднимающийся в ясное небо.

Выведя самолёт на высоту около двух километров, Лёха внимательно оглядывал горизонт. И тут его взгляд зацепился за атакованный дымящийся корабль, оставляющий за собой длинный чёрный след на воде. Он прищурился, пытаясь рассмотреть детали.

– А ведь ни разу не «Канарис» ... Ой бл...! Самки ишака! – пробормотал он, закладывая левый вираж, чтобы подойти поближе. Водя глазами по силуэту судна, он начал узнавать характерные черты. – Две башни... по три здоровенных орудия, – медленно выговорил он, и ему вдруг всё стало ясно. Лёха вспомнил этот силуэт!

– Похоже, мы вслед за Остряковым вцепились фрицам в их недоношенный линкор, – заключил Лёха с нотками огромного удивления в голосе.

– Кузьмич! Сделал фото? – поинтересовался Лёха. – Парашютом чувствую, нам сейчас такой СинхроФазоТрахатель заправят... Вот теперь твои фотографии очень, очень понадобятся отписываться!

Глава 2. Он первый начал!

Самое начало июня 1937 года. Кабинет Кузнецова в порту Картахены.

Главный военно-морской советник медленно шагал вдоль короткого строя летчиков, буравя взглядом каждого, как будто старался вытянуть правду силой мысли.

– Какая же су.. какой нехороший человек чуть не утопил эту их «Германию»? Нет, я спрашиваю, кто влепил немцам в этот их сраный «Дойчланд» аж четыре бомбы?! – его голос был наполнен плохо скрываемым удовлетворением, но выражение лица оставалось суровым.

Лётчики переминались с ноги на ногу, пытаясь выглядеть спокойными. Остряков переглянулся с Хованским и Хреновым, сделал короткий вдох и чётко доложил:

– Товарищ капитан первого ранга. Находясь над захваченным мятежниками портом Ибица и в ответ на обстрел зенитной артиллерией противника сбросил шесть стокилограммовых бомб на находящийся на якоре крейсер мятежников. Наблюдал взрывы. Насчёт попаданий не уверен.

Советник прищурился, сверля взглядом Острякова, и, зацепившись за его слова, резко бросил:

– Это то я знаю. Ты бомбил с высоты двух километров на стоящий в гавани мятежной Ибицы корабль. Тут мы в своём праве, хотя теперь колбасники конечно исходят на дерьмо. Вроде была пара попаданий, после чего этот их «Дойчланд» рванул на всех парах своих дизелей в Гибралтар! А вот дальше что?!

Наступила тяжёлая пауза, которую никто не решался нарушить. Лёха, глянув налево и направо, встретился глазами с товарищами. С чувством обречённости он всё-таки сделал шаг вперёд:

– Это был я, товарищ капитан первого ранга, – тихо выдавил он. – Получил радиogramму от командира, – тут Лёха мельком глянул на Острякова, – что они подверглись нападению мятежников, и пошёл на выручку!

– Ну кто бы сомневался, что хоть один геморрой пройдёт мимо или без участия товарища Хренова! – делано удивился Кузнецов.

– Но они первыми начали! Мы только пытались определить, что за корабль, прошли мимо больше чем в километре, а они из всех своих зениток стали долбить! У меня шесть пробоин в крыльях! – закончил он почти по-детски оправдываясь.

«Правда, пять из них – это мы неудачно над фронтом пролетели до этого и просто залатать не успели», – добавил он мысленно, не решаясь озвучить эту несущественную деталь.

Его приятели, выстроенные по левую и правую сторону, еле сдерживали смех. У Острякова дрогнули плечи, а Хованский прикрыл рот рукой, будто задумчиво почесал подбородок.

Николай Герасимович Кузнецов был одновременно и возмущён, и горд. С одной стороны он только что получил зверскую дыню из Москвы, за то что чуть не спровоцировал конфликт между Германией и республиканской Испанией, хотя немцы и так почти в открытую помогали Франко.

Скривившись, Кузнецов вспомнил личную шифровку от самого Ворошилова по поводу атаки немецкого линкора, приличными в ней были только предлоги и подпись.

Ситуация в Москве была, мягко говоря, накалённая. Новый нарком НКВД, товарищ Ежов, вдохновлённый вождем всех народов, с усердием, достойным лучшего применения, рыл землю в поисках "врагов народа" и троцкистских шпионов. Причём армия и флот оказались в первых рядах этой паранойи. До Испании же, пока не докатывалась и тень этих репрессий.

Главный местный НКВДшник товарищ Александр Орлов был занят уничтожением недостаточно активных сторонников коммунизма в анархистской Барселоне и пока не проявлял особого рвения в сторону Кузнецова и его лётчиков. Видимо, после того памятного инцидента

с электричеством предпочитал временно держать дистанцию. Но Кузнецов прекрасно знал, что характер у Орлова мерзкий, и рано или поздно эта или какая то другая история аукнется ему по полной программе.

И тут, как снег на голову, опять отметился Хренов, и на удивление Остряков с Хованским составили ему компанию.

«Уж не заразно ли такое Хреновское «везение»!» – нервно подумал Кузнецов.

Атака на немецкий линкор оказалась совсем некстати. Учитывая политическую ситуацию, это было похоже на подбрасывание горящих углей в бочку с порохом. Но с другой стороны, черт возьми, Кузнецов буквально разрывался между необходимостью разнести всех этих «орлов» в пух и прах за неподобающую инициативу, и чувством безграничной гордости за своих лётчиков.

Эти его "орлы", как он их любил называть, в одном вылете, при минимальных ресурсах, с использованием кустарных доработок и чистой русской смекалки, чуть не утопили гордость нацистского флота – линкор «Дойчланд», символ новой Германии в нацистской пропаганде.

В сердце Кузнецова боролись пара чувств – трезвый политический страх и тихое, но отчаянное восхищение мастерством и бесстрашием его лётчиков.

Эта атака наверняка сыграла свою роль, когда следующей ночью затемнённая республиканская эскадра, конвоировавшая транспорты, неожиданно вышла на соединение германских кораблей, собравшихся в точке randevu. Обе стороны не ожидали этой встречи и были застигнуты врасплох. Линейный корабль и три эскадренных миноносца, видимо перепугавшись как следует и будучи всё ещё под впечатлением от недавнего налёта Лёхи, поспешно подняли национальные флаги и осветили их прожекторами, давая понять, кто они такие.

Республиканцы не собирались нападать и обе эскадры молча обменялись сигналами издалека, просто разошлись в ночи, сохраняя напряжённое равновесие в тишине тёмного моря.

Главный военно-морской советник Испанского правительства остановился напротив Лёхи, молча просверлил его взглядом. В глазах блеснуло что-то непонятное – то ли одобрение, то ли раздражение, а скорее и то и другое..

Кузнецов кровожадно улынулся:

– Вот я ни на грамм не сомневался, что без нашего бойца товарища Хренова ни один "блудняк", как он сам изволит выражаться, не проходит! – повторил флотский начальник.

– Но как! Лёша! Как! Как ты на своем СБ это умудрился сделать?! – Кузнецов не сдержал эмоций.

– Влепить аж две бомбы в идущий на 20 узлах корабль! У нас прицелов то подходящим даже нет! Немцы в мешках выгрузили больше тридцати человек команды, да и вообще чуть не сгорели? Рванули в порт Гибралтара на ремонт быстрее собственного визга! – в голосе Кузнецова слышался искренний восторг.

– Ну я таки морской летчик, – притворно застеснялся Леха.

– Ты мне монашку со свечкой не строй тут, давай, рассказывай, как ты умудрился! – Николай Герасимович уже улыбался не скрываясь.

– Зашел на бреющем ему поперек курса почти на максимальной скорости, штурман прицелился по сосновой линейке и в двухстах пятидесяти метрах от корабля произвёл сброс, бомбы срикошетировали от воды, прыгнули как камешек по воде, и вклепили ему в борт! Стрелок два взрыва видел. Еле над передней башней перескочить линкор успели, – эмоционально рассказывал Лёха, занова переживая эту историю, – стрелок заодно из пулемёта прошёлся по мостику. Сто килограммовых бомб конечно мало для атаки корабля. Но двести пятидесяток не было на аэродроме, вот и пришлось сотки брать. Мы пол дня с испанскими техниками убили, что бы наши сотки горизонтально подвесить на внешнюю подвеску.

– А сами подвески под крылья ты где взял? Наши СБ без них в комплекте приходили. Даже новая партия без них пришла. – начальник четко отслеживал ход истории.

– Два держателя из всякой фигни сделали, по образу и подобию "протезовских", а еще два, это просто на две части торпедный держатель разобрали – обреченно признался Леха, – По управляемости самолёт так же себя ведёт, как и при внутренней загрузке бомбами, а по скорости наверное километров десять – двадцать теряется. Хотя это не точно, – впервые улыбнулся Лёха.

– Но над морем истребителей нет, если что я бы сбросил и ушел. Жалко СБшка мало берет, вот если бы пятисотками бюргерам бы врезать! – размышлялся вслух Лёха.

– А что за двух бобров в шляпах ты намалевал на боевом самолете? – Кузнецов не собирався просто так выпускать Лёху.

– Это бурундуки, – покаянно ответил тот.

– Да хоть зайцы! И почему это эти бурундуки зовутся «Супидесе и корaxe»??

– Слабоумие и Отвага! – ответил Лёха! – ну ... это про организацию нашей слу... а на испанском, так это для секретности!

– Значит так, – подвел резюме Кузнецов, – бобров закрасить! Немедленно! И впредь согласовывать такие художества! Дальше.

Кузнецов сделал паузу и отпил воды из графина:

– Товарища Хренова, и его изобретённого топ-мачтового способа бомбометания там не было, а также вас – он ткнул в стоящих рядом с Лёхой лётчиков.

– Правительство Республики заявило, что официально самолёты пилотировали лётчики-республиканцы Хосе Арсьега Ньера и Леокадио Мендиола. Бомбы сбросили с высоты две с половиной тысячи метров в ответ на обстрел зенитной артиллерией линкора. Попали случайно, о чем они сожалеют и приносят извинения. Всем все ясно? Нам только войны с Германией не хватало. Немецкие газеты орут в истерике о «неспровоцированном нападении красных властей Валенсии» на нейтральный корабль.

Кузнецов снова прошёлся вдоль короткого строя лётчиков:

– Уже и Яков Владимирович, как всегда энергичный, примчался сегодня в штаб с лицом, обещающим бурю. А теперь ещё и командующий ВВС Испании из Валенсии на всех парах двигается сюда, чтобы вставить вам горячие клизмы. Вот. Нас тут армейские товарищи просят им под Мадридом помочь ...

– Хренов! У тебя штурман вроде живой уже? – впервые за всю беседу улыбнулся Кузнецов, – Завтра с утра грузись и что бы я тебя тут, в Картахене, дней пять, а лучше всю неделю, не видел!

– Есть! – все, что оставалось ответить Лёхе.

Впрочем, накал страстей Лёху не особо трогал. Он уже привычно списал всю ситуацию на стандартную жизнь фронтовых авиаторов, сегодня тебя хвалят за блестящую операцию, завтра ругают за её последствия. А послезавтра всё снова поменяется местами.

Самое начало июня 1937 года. Таверна «Три пескаря», городок Лос-Альказарес, около одноименного аэродрома.

Через несколько дней после эпического полёта к Ибице, возвращаясь с аэродрома в захудалый, но по своему уютный городок Лос-Альказарес, Лёха решил утолить голод в своей любимой таверне. Заведение было пропитано запахами жареной рыбы, винных паров и местного беззаботного гула – то, что надо после очередного адреналинового рейса.

В углу, за маленьким деревянным столиком, он заметил Колю Николаева. Тот сидел с бокалом пива, глядя на мир взглядом человека, находящегося совсем не здесь и думающего какие то отвлечённые мысли. Лёха прищурился, кивнул на пустующий стул напротив и с невинной улыбкой спросил:

– Не помешаю?

Николаев поднял глаза, и на его лице промелькнула целая гамма чувств, от испуга и злости до чего-то похожего на восхищение. Видимо отрицательные чувства он сумел задавить где-то на подступах к голосовым связкам, потому что сдержанно кивнул:

– Строй заход на посадку!

Устраивая поудобнее свой тощий зад на деревянном табурете, Лёха махнул подошедшему официанту:

– Бутылку пива и барабульку!

Барабулька, конечно, здесь называлась "сальмонэте", но после бесконечных попыток объяснить это русским лётчикам хозяин таверны просто сдался. Теперь в меню гордо красовалось по-русски: "барбатус", и официанты не моргнув глазом подавали русским летунам их привычное и любимое блюдо.

– Коля, ты прости, закрутило меня. Совсем времени поговорить не было, – начал Лёха, сделав щедрый глоток пива и, не моргнув глазом, потянувшись за Колиными оливками.

Николаев фыркнул и, глядя на него с ехидной усмешкой, уточнил:

– Знатно тебя натянули за немецкий линкор?

Лёха, не отрываясь от оливок, выразительно махнул рукой, демонстрируя крайнюю степень половых извращений, доступных лётному составу:

– Ааа! Нас драть – только агрегаты тупить!

Николаев вздохнул, но на губах всё равно играла лёгкая улыбка. Он сделал глоток пива, глядя куда-то сквозь собеседника, и вдруг сказал:

– Ты, конечно, интересный человек, Лёха. Спасибо, что не бросил тогда. Итальянцы бы из меня душлаг сделали, если бы не ты.

Он на мгновение задумался, а потом продолжил:

– Но ты Хренов талант конечно! Сумел удивить! Сижу я в этой конуре бомбоотсека на верхнем ярусе, вместе с Кузьмичом подо мной, моторы ревут, не слышно вообще ничего. Чувствую на посадку заходим, звук моторов поменялся. И тут стрельба! Трах, бах! Страшно, что ужас, мало того, что ничего сделать не можешь, так еще и темно и нифига не видно. Вдруг как отбойным молотком по самолёту – та-та-та! Створки люка хрясть и открылись! И самолёт вдруг на крыло кааак встанет! Кузьмич только лапками своими взмахнул и со своих носилок брык, раз, и улетел куда то в море!

Лёха чуть не подавился, запихивая очередную николаевскую барабульку себе в рот, а сам Николаев, размахивая руками и не замечая исчезновения деликатеса со своей тарелки, продолжил, словно заново переживая:

– Я, понимаешь, вцепился во что то, раскорячился весь! Трясёт жутко, самолёт то на одно крыло встанет, то на другое! А подо мной распахнутые створки бомболюка и бездна сияет! То море видно, прямо вот оно, рукой барашки достать можно! То земля с песочным пляжем показывается! Я думал сдохну. Не помню уж как долетел, говорят пальцы мои по одному отцеплять пришлось...

Лёха не ко времени вспомнил эпизод с коровой в бомболюке в незабвенном фильме "Особенности национальной охоты" будущего ...

– Жить захочешь, ещё и не так раскорячишься! – воспроизвёл он цитату из фильма будущего, стараясь не заржать изо всех сил.

Николаев снова вздохнул, кивнул головой, соглашаясь с комментарием товарища, снова покачал головой и посмотрел на Лёху, как на редкого зверя:

– И вот вроде человек ты нормальный, не бросил... Заботишься о товарищах... по своему конечно... рации раздобыл за свой счёт... – в раздумье произносил Коля Николаев, потом усмехнувшись, сказал:

– Но ты меня извини, Лёша, что я от тебя подальше держусь, у меня жена дома беременная осталась...

– Вот почему то везде, где ты появляешься, без какого то трындеца не обойтись!

Николаев удивленно заметил, что пока он разглагольствовал, количество барабульки на столе катастрофически сократилось.

– Вот смотри! И с барабулькой та же катастрофа приключилась! – произнес он подключаясь к уничтожению жаренной рыбки, – расскажи лучше, как то в Мадрид слетал?

Лёха задумался на минутку и начал рассказ.

Самое начало июня 1937 года. Аэродром Алкала, пригород Мадрида.

"Ну что тебе сказать про Сахалин, над островом нелётная погода..." – почему-то и совсем не к месту всплыла в голове нашего героя песня из будущего. На Сахалине он, конечно, никогда не был, да и погода в Мадриде жаловаться особо не давала повода, хотя...

Мадрид встретил Лёху, Кузьмича и Алибабаевича действительно отвратительной, с их бомбардировочного взгляда, погодой. Стояло безоблачное лето, такое чистое и ясное, что хоть открытки рисуй.

– Видимость Миллион на миллион! – высказался Кузьмич перед очередным вылетом и разочарованно сплюнул.

Днём температура стабильно держалась на уровне 32–35 градусов в тени. Солнце палило без устали, выжигая всё вокруг, а световой день тянулся, казалось, бесконечно: светать начинало уже около половины шестого утра, а темнеть начинало едва ли к десяти вечера.

Обшивку их боевых самолётов накалялась так, что на ней можно было жарить яичницу. Тепловое марево и раскалённые металлические поверхности только добавляли ощущения, будто ты не в Испании, а где-то на краю пустыни. Лишь ночью наступало некоторое облегчение: жара спадала до более или менее терпимых двадцати градусов, а то и до совсем приятных восемнадцати.

Но Лёху раздражала в погоде вовсе не жара.

– Никаких тебе облаков, чтоб спрятаться! – ворчал он, потев в кожаном реглане в кабине своего СБ.

Ясное небо над Испанией, хоть и выглядело прекрасно с открыток, в отсутствии истребительного прикрытия, для бомберов было сущим наказанием. Не было тех спасительных пухлых облачных гряд, где можно укрыться от настырных вражеских истребителей. Испания преподносила свои сюрпризы, а им оставалось только принимать их, как есть, вместе с жарой, ясным небом и вечно раскалённой обшивкой самолёта.

Знакомый ему аэродром Алкала подвергался регулярным налётам франкистской авиации, даже вражеским истребителям лететь сюда было меньше пятидесяти километров и регулярно над аэродромом устраивалась "собачья свалка" из с рёвом носящихся над головой истребителей.

С утра в один из дней, недалеко от своего самолёта, Лёха увидел под маскировочной сеткой маленький гражданский самолётик. Фюзеляж был светло-зелёного цвета, а по боку тянулась весёлая белая стрела – будто кто-то решил разбавить военный антураж парком аттракционов.

Увидеть такое чудо среди суровых военных машин было неожиданно, и Лёха, любопытствуя, поймал техника:

– Это чей цирк на колёсиках?

Испанский техник расправил плечи с гордостью, словно ему самому принадлежала эта зелёная стрела:

– А! Это французский корреспондент прилетел! Репортажи про нас пишет!

Лёха удивлённо приподнял бровь. Ну, корреспондентов в Испании он видел, но чтобы вот так, на своих крыльях... "Интересно, и сколько у него храбрости – летать на таком самолётике в условиях войны?" – мелькнуло у него в голове.

И действительно, примерно через час, в сопровождении пары испанских начальников, к его СБ уверенно направился человек. Невысокий, но чрезвычайно живенький, с небольшим брюшком, обтянутым явно не первой по свежести рубашкой и болтавшимся на шее галстуком, сдвинутым на бок.

На круглой голове француза, красовались большие залысины, немного припухшие щеки, добавляли лицу какое-то детское любопытство, а глаза, слегка выпуклые и удивлённые, делали его похожим на профессора, который только что открыл что-то невероятное.

– Антуан! – радостно заявил он, протягивая руку, – Корреспондент газеты "Пари-Суар", что переводится как "Парижский вечер".

Лёха, сдержав желание рассмеяться, пожал руку:

– Лёха, – коротко представился он, – переводился как Алекс...

Глава 3. «Парижский вечер»

Самое начало июня 1937 года. Аэродром Алкала, пригород Мадрида.

Антуан внимательно оглядел Лёху, словно изучал редкий экземпляр музейного экспоната, затем улыбнулся уголком губ и вдруг с неподдельной радостью воскликнул:

– Так вы и есть те самые русские пилоты, о которых я столько слышал! «Рыцари неба», «Лос авиадорес русос», как говорят здесь!

Лёха хмыкнул, сцепил руки на груди и с прищуром посмотрел на француза:

– Ага, мы. Только больше как «ассенизаторы конюшен» тут работаем – дерьмо за разными правительствами разгребаем, если на правду смотреть. Тут героем быть некогда.

– Герои всегда говорят, что они не герои, – с улыбкой видом заметил Антуан, поправляя галстук. Он оглянулся на свой зелёный самолётик, словно хотел убедиться, что тот ещё стоит на месте, и вдруг заявил:

– Мне сказали, что вы недавно были на севере и потопили франкистский линкор. А потом совсем недавно чуть не утопили заодно и немецкий! Расскажите, что случилось с линкором «Эспанья»?

Лёха пожал плечами и криво усмехнулся:

– Сэ ахого! – Он утонул!

Такое короткое повествование здорово развеселило француза, и он радостно произнёс:

– По официальной версии они на своей же mine подорвались, а что случилось на самом деле?

Лёха сделал максимально одухотворённое лицо:

– Мы, конечно, старались просто их испугать, прямо вот совсем рядом пролетали с торпедой! Вид нашего самолёта был столь страшен и ужасен, что линкор предпочёл выброситься на мины, чем лицеизреть наши небритые рожи!

Антуан искренне расхохотался от такого красочного повествования. Затем француз хитро прищурился и вытащил из кармана блокнот. Рука с карандашом замерла в воздухе:

– А про немецкий «Дойчланд»? Вас там тоже не было? Расскажите мне! Всё. С самого начала!

– Конечно, не было! Кто же знал, что это фашистский линкор! – совершенно искренне возмутился Лёха.

Но, видя, с каким энтузиазмом француз приготовился записывать, махнул рукой и начал рассказывать, как мирные испанские лётчики Арсьега с Мендиолой, Первого Мая, в день всемирной солидарности трудящихся, полетели поздравить своих заблудших соплеменников на остров Ибица. И как оголтелые немецкие милитаристы, стоявшие со своим линкором в испанском порту, сорвали единение народа и первыми открыли огонь!

– И представляешь, с первого залпа попали точно в замок бомболока! Все шесть бомб разом так и выпали из самолёта! Остря... Арсьегов им кричит: «Берегись!» Но, слава богу, бомбы вот точно совсем никуда не попали. Только пара взрывов случилась, но это, видимо, на немецком линкоре сами колбасники не иначе как курили в не положенном месте!

Антуан слушал буквально с открытым ртом, время от времени записывая или вставляя что-то вроде:

– Невероятно! И вы не боялись?

– А! Мы-то. Нет! Нас же там не было, нам-то что бояться! А вот Мендиола чуть полные штаны не наложил, когда бургеры ему в самолёт из зенитки засадили! Боялся он, конечно, до дрожи! – честно ответил Лёха, пожимая плечами.

Когда рассказ подошёл к концу, Антуан, отсмеявшись, отложил блокнот и, вытирая слёзы, вдруг предложил:

– Мне кажется, ваша история – это история о человеке. О смелости, о том, что...

Антуан снова улыбнулся, но его глаза выдавали, что французское воображение уже сплело новую паутину из их разговора.

– Знаете, я же тоже пилот, – вдруг сказал он, кивнув на маленький зелёный самолётик, и хитро прищурившись, продолжил, – я хотел бы полететь с вами. Чтобы увидеть войну сверху своими глазами.

Лёха вытаращился на него, как на сумасшедшего.

– У нас же места совсем нет! Нас всего три человека, второго пилота нет! Да и сбить могут.

Антуан кивнул с серьёзным видом:

– Я знаю, что это опасно. Но это того стоит, если я смогу рассказать миру правду. Я могу быть стрелком.

Лёха долго смотрел на француза, не зная, смеяться или плакать. Потом ухмыльнулся:

– Ну, что ж, «Пари-Суар» – «Парижский вечер». Ладно. Только надо с испанским авиационным начальством договариваться!

Антуан расплылся в улыбке и крепко пожал руку Лёхе, явно наслаждаясь началом нового приключения.

Лёха, конечно, был не из тех, кто пускал всяких новичков в кабину, особенно француза с его пацифистскими взглядами на войну. Но у Антуана был такой целеустремлённый вид, что отказать ему оказалось сложно.

«Испанцы его не пустят, да и не успеет он до завтра всё согласовать с Валенсией», – думал Лёха, решив, что нашёл хороший выход из сложного положения. Каково же было его удивление, когда на следующее утро Антуан, в старой кожаной куртке, которая явно видала лучшие времена, и уже в лётном шлеме, отирался около самолёта. Но к своему ужасу, вместе с ним Лёха лицезрел начальника всей испанской авиации Идальго де Сиснероса! Того самого, кто пропесочивал Лёху после памятного полёта к Ибике! Тот, видимо, будучи очарованным французским журналистом, кивал головой, разрешая это очередное безумие.

Антуана одели в лётный комбинезон, обучили пользоваться пулемётом, кислородной маской и радиостанцией. Через час после начала «свинячьего цирка», по меткому выражению Кузьмича, настал момент, когда Лёха, Кузьмич и мрачный Алибабаевич сдержанно наблюдали, как Антуан пытается задохнуться в стрелковую кабину. Куртка была застёгнута не на те пуговицы, а лицо выражало смесь паники и безграничного счастья.

В итоге через полчаса самолёт отправился в чистое и голубое испанское небо.

Хорошо, что вылет сегодня был на разведку и фотографирование. Лёха буквально молился, чтобы им не повстречались немецкие истребители.

Набрав пять километров высоты, он думал: «Даже если нацепит маску неправильно, вроде не должен помереть. Нельзя, чтобы «Маленький принц» остался ненаписанным!»

– Ну что, удобно? – спросил Лёха в рацию, волнуясь за литературный талант, засунутый в тесную кабину.

– Очень... интересно! – ответил Антуан, крутя турель в разные стороны.

– Можешь дать пару коротких очередей по облакам! – снизошёл Лёха. – Заодно посмотрим, хоть что-нибудь он запомнил.

Антуан выровнял пулемёт и с каким-то героическим видом нажал на спуск. Пули улетели куда-то в синеву неба, но сам факт того, что он стрелял, казалось, наполнил его гордостью.

Когда они приземлились, Антуан, шатаясь, вылез из кабины и с видом, будто выиграл всю войну, заявил:

– Это было... невероятно, – выдохнул он, обтирая со лба пот.

И, хотя ничего экстраординарного в этом полёте не произошло, судя по вдохновлённому лицу Сент-Экзюпери, этот полёт он запомнит надолго.

А вот Лёха твёрдо решил, что в кабину его самолёта больше ни один корреспондент не залезет.

Лёха, глядя на корреспондента, только улыбнулся:

– Невероятно? Особенно то, как ты расстрелял облака.

Антуан рассмеялся, хлопнув его по плечу:

– Но ведь облака тоже были на стороне врага, не так ли?

И тут даже Лёха не выдержал и захохотал.

Самое начало июня 1937 года. Отель "Флорида", Мадрид.

Через пару дней после их импровизированного боевого вылета Антуан снова появился на аэродроме, но на этот раз выглядел более цивилизованно – свежая рубашка, галстук наконец сидел на месте, а на голове красовался чуть помятый берет. Он подошёл к Лёхе с широкой улыбкой:– Алекс! Ты должен посетить мой отель! Это самое важное место Мадрида, там собираются все интересные люди города! Обещаю, скучно не будет.

Лёха недоверчиво прищурился, вспоминая, как пару дней назад этот же человек стрелял в облака из пулемёта.– Что за отель-то? – поинтересовался он, поправляя примятые шлемофоном волосы.

– «Отель Флорида», – с гордостью заявил Антуан. – В самом центре Мадрида, на Гран-Виа. Там сейчас живут самые интересные журналисты, писатели и... ну, все, кто делает историю.

Лёха удивился наличию такого места в полуокружённом Мадриде, но любопытство взяло верх:– А ванная у тебя есть? С горячей водой? – Лёха поставил в совершеннейший тупик Антуана своим вопросом.

Уже к вечеру он и Кузьмич, переодевшиеся в более-менее чистую форму, шагали по коридорам отеля, где пахло табаком, дешёвым вином и творческим хаосом. Антуан встретил их у входа в бар, сияя, как новенький золотой софит.– Ну что, друзья, – сказал он, разводя руками. – Добро пожаловать в центр мадридской вселенной.

Лёха только собирался что-то сказать, как из-за угла послышался громкий хриплый голос:– Антуан, мой друг-лягушатник, ну и кого ты там привёл?

На них надвигался массивный мужчина с усами, в круглых очках и традиционном берете, который смотрел так, будто уже заранее готов был спорить или поднимать тост.

Лёха замер в шоке от происходящего, ибо узнал этого человека – легенду. Это был сам Эрнест Хемингуэй.– Алекс, – хохотнул Антуан, хлопнув его по плечу, – познакомься, это Эрнест. Ну, ты, наверное, слышал о нём. Они тут снимают кино про войну для янки.

– Слышал, – не мог прийти в себя Лёха от того, что пожимает руку самому Хемингуэю.

Хемингуэй прищурился, разглядывая Лёху, и, явно одобрив, сказал:– Значит, ты русский лётчик? Русские, вы же из тех, кто умеет выпить, а?

– Это смотря что выпить, – автоматически парировал Лёха, вызвав у Хемингуэя громкий смех.

И понеслось. За столом в углу бара быстро появились бутылки испанского вина и приличный набор закусок.

Видно, любящий хорошо поесть, Хемингуэй усмехнулся и хлопнул удивлённого Лёху по плечу:– Ты только не рассказывай об этом моим читателям, а то подумают, что я сражаюсь за республику исключительно ради колбасы! – громко пошутил Хемингуэй.

Разговоры за столом сменялись с такой скоростью, что Лёха иногда не успевал понять, когда речь идёт о войне, а когда – о рыбалке в Африке. Хемингуэй оказался не только громогласным рассказчиком, но и настоящим душой компании. Он мог в одну секунду осудить тактику республиканцев, а в следующую – с такой страстью обсуждать бои быков, что даже Кузьмич, человек с минимальными познаниями в испанском и всех прочих языках, втянулся в беседу.

Антуан сидел рядом и внимательно слушал, иногда вставляя комментарии о литературе или авиации. Он явно гордился, что смог собрать за одним столом такую разношёрстную компанию.

Когда вечер плавно перетёк в ночь, Лёха, опрокинув очередной стакан вина, не очень трезвым взглядом посмотрел на Сент-Экзюпери и сказал:– Антуан! Ты обещал мне горячую ванну!

Антуан улыбнулся и, чуть покачнувшись, ответил:– Один момент, и я всё организую! Вот, кстати, ваш советский журналист Михаил Кольцов, он тут всех знает и всё организует. Минуту!

Оставив Кузьмича бухать с Хэмингуэйем, Лёха лежал в ванной, в номере, организованном Кольцовым, наслаждаясь, казалось, давно забытым состоянием. Отмывшись, он теперь просто лежал в тёплой воде, редкое ощущение покоя заполняло каждую клетку тела. Лёха выключил свет и закрыл глаза, наслаждаясь одиночеством.

Вдруг дверь тихо приоткрылась, и мягкий свет из коридора прорезал темноту. В полутьме появилась обнажённая женская фигура, грациозно вошедшая в комнату. Лёха застыл, но не произнёс ни звука – возможно, он надеялся, что это ему просто мерещится после выпитого.

Женщина приблизилась к ванне, пригнулась, чтобы потрогать рукой воду.– Как мило! Они подготовили мне ванну, – произнесла она на французском с мягкой, почти мурлыкающей интонацией.

Лёха, конечно, понимал французский на уровне "сыр, вино и я не ел шесть дней", но общий смысл фразы ухватил. Он снова замер, а женщина, несколько не смущённая, грациозно залезла в ванну.– Простите, мадам... – начал он было, но не успел договорить.

Её стройное тело устроилось прямо на нём. Лёха почувствовал, как она, видимо, поскользнувшись, опустилась точно туда, где его "орган" от неожиданности напрягся так, что его можно было принять за часть сантехники.

Женщина резко выдохнула, замерла, а затем пронзительно взвизгнула.– О, боже мой! – вскрикнула она, крепко хватаясь рукой за «виновника» произошедшего.– Это мой! – Лёха, пытаясь выдернуть младшего товарища из крепких пальцев незнакомки, в буквальном смысле.

Женщина в панике дёрнулась, а Лёха инстинктивно был вынужден подняться вместе с ней, чтобы не лишиться такого важного агрегата. Он поднял руки вверх, словно сдавался. Вода выплеснулась из ванны на пол, и только шум сдерживал её визг.– Вы кто такой? Что вы тут делаете?! – выпалила она, всё ещё сжимая его член, как ручку управления самолётом.– Это мой номер... Точнее, мне его дали! – оправдывался Лёха, стараясь не шевелиться.

Давно неиспользованный Лёхин орган от неожиданности принял угрожающие размеры...

В этот момент дверь снова приоткрылась, и в ванную заглянул Сент-Экзюпери:– Ой! Простите за беспокойство, друзья. Кажется, я случайно перепутал номера.– Чёрт побери, Антуан! – рывкнул Лёха, всё ещё пытаясь высвободить свою часть тела из захвата.

Женщина, наконец отпустив его, прикрыла грудь руками, оставив сверкать тёмный треугольник в падающем из комнаты свете, и повернулась к французу:– Антуан! Это просто возмутительно!

Антуан, казалось, наслаждаясь этим приключением, слегка пожал плечами:– Простите, ма шер. Маленький... организационный сбой. Но раз уж вы познакомились с Алексом, могу поручиться, что это замечательный человек и лучший русский лётчик! Сейчас мы всё уладим!

Лёха, которого уже трясло от стресса, выполз из ванны, прикрываясь полотенцем, и бросил на Антуана взгляд, полный негодования.– Ты, «Парижский вечер», ещё раз такое устрой, и я сам тебя в этой ванне и утоплю, фиг с этим «Маленьким Принцем», кто-нибудь другой напишет!

Антуан удивлённо развёл руками и с улыбкой сказал:– Бегу к портье! Алекс! Это правда случайно получилось!

А Лёха, тяжело дыша, плюхнулся на край ванны и процедил:– Никогда больше не выключаю в ванной свет. Никогда!

Антуан, с извиняющейся улыбкой, наконец скрылся за дверью, оставив Лёху и обнажённую молодую женщину наедине. Лёха, всё ещё прикрываясь полотенцем, хотел уже что-то сказать, но женщина вдруг подняла руку, заставляя его замолчать. Её глаза блестели с каким-то хитрым, чуть дерзким выражением.– Ну, раз уж мы оба тут, в такой... интересной ситуации, – начала она с лёгкой улыбкой, – не пропадать же тёплой воде.

Она подошла к Лёхе, уверенно стянула с него полотенце, которое он держал перед собой, как последний щит, и толкнула его обратно в ванную. Лёха, ошалев, плюхнулся в воду, подняв брызги.– Мадам! – начал он было, но не успел договорить.– Мадемуазель! – женщина, не теряя времени, элегантно залезла в ванну и, словно ничего необычного не происходило, ловко оседлала Лёху. Вода выплеснулась на пол, но её это совершенно не смутило.– Посмотрим, каковы эти русские лётчики, – произнесла она с вызовом, медленно опускаясь, слегка наклонив голову и глядя ему прямо в глаза...

Ванна продолжала ритмично плескаться...

А где-то в «Отеле Флорида» Эрнест Хемингуэй рассказывал уже порядком захмелевшему Кузьмичу очередную историю про Африку.

Несколько позднее, донеся её до кровати, Лёха всё ещё пытался осмыслить происходящее. Её глаза сверкнули в полутьме комнаты, и она хитро прищурилась, проводя пальцем по груди Лёхи, воскликнула:– Ну Антуан! Ну и свинья! – покачала она головой, словно обсуждала плохо воспитанного родственника, потянувшись к Лёхе за очередным поцелуем. – Скрывал от меня таких русских героев!

Женщина рассмеялась, запрокинув голову, и это был тот редкий момент, когда Лёха мог одновременно почувствовать себя и героем, и жертвой.– Эм... Послушай, – попытался он начать, но тут же замер, когда её руки коснулись...– Катрин, – прошептала она, наклоняясь ближе. – Просто Катрин.

Лёха почувствовал, как у него снова сжались внутренности, и не только от её взгляда.

И в этот момент ему пришла в мозг не прошенная мысль: вот так они и станут героем очередного рассказа Антуана де Сент-Экзюпери!«Только без подробностей!» – мысленно попросил Лёха.

Глава 4. Ляля-бася и прочие мелочи жизни

Самое начало июня 1937 года. Аэродром Алкала, окрестности Мадрида.

Вернувшись из гостиницы «Флорида», Лёха решил круто изменить свою жизнь. Одетый в форму номер два – то есть голый по пояс, в галифе и берцах, он был замечен около самолёта за занятием, которое Кузьмич охарактеризовал коротко и ёмко: "страдающий фигнёй".

– Рано утром, на рассвете, заглянул в соседний сад... сорок приседаний, – громко выдыхая, считал Лёха, – Раз. Два...

– Там смуглянку, молдованку... двадцать подтягиваний, – сгребал руки, он уцепившись за крыло самолёта, – Раз. Два...

– Пропихнули в толстый зад... – пропел он далее, но тут же сам себя одёрнул: – Хренов! Ну что за хрень тебе в голову лезет? Таковую песню испортил, гад!

– Сорок отжиманий с хлопками! – скомандовал он себе с суровой решимостью, – Поехали! Раз. Два!

Качая пресс, он чувствовал себя настоящим новатором здорового образа жизни, неизвестного пока в этом времени зверя по имени ЗОЖ.

Закинув ноги на фюзеляж, Лёха встал на руки и оказавшись уже вверх ногами стал снова отжиматься.

Ловко спрыгнув и вернувшись к прямохождению, он с энтузиазмом объявил:

– Бегом! Марш!

Наш герой понёсся кругами вокруг лётного поля, оставляя за собой клубы пыли.

Через пятнадцать минут снова появившись около своего борта он объявил, стараясь отдышаться:

– Месячник борьбы с алкоголизмом и половыми излишествами объявляется открытым!

Тем временем Кузьмич, лежа под самолётом в ожидании вылета, лениво вытянул голову из-под крыла, чтобы посмотреть, чего это Лёха там так усердствует.

– Лёша, ты чего творишь-то? Что-то стряслось? – спросил он, еле подавляя зевок.

Лёха, вспотевший, но довольный, остановился и встал в позу философа.

– Видишь ли, Кузьмич! Сел я тут на лавочку и задумался... Не правильно я живу! Кузьмич! Не по комсомольски! Вот решил перестать бухать, бросить курить, завязать с совращением чужих женщин и заняться спортом.

Кузьмич, широко раскрыв глаза, внимательно посмотрел на друга, а потом подозрительно уточнил:

– На лавочку, говоришь сел?

– Ну да, лавочку сел, – кивнул Лёха.

Кузьмич, явно поражённый услышанным, лениво потянулся и, ухмыляясь, выдал:

– Спасибо, Лёшенька, что предупредил! Спас боевого друга! Больше я на эту лавочку не сяду!

И заржал так, что его хохот эхом разнёсся по всему аэродрому.

Наш же герой не без удовольствия вспомнил прошлый вечер и расплылся в довольнейшей улыбке.

Самое начало июня 1937 года. Чуть ранее физической зарядки, отель "Флорида", самый центр Мадрида.

Как и любое самое распрекрасное действие умеет свойство заканчиваться и теперь Лёха лежал вытянувшись на белой простыне. Раскинувшись в форме морской звезды, он откровенно наслаждался давно забытыми ощущениями. Красотка закрутилась в простыню и уютно устроившись между ног Лёхи, с улыбкой несла какую то пургу на английском, чуть растягивая слова. Рассказывала в общем про свою тяжёлую актёрскую жизнь.

Лёха вдруг припомнил, как иногда в прошлой жизни оказывался в компании студенток с пониженной социальной ответственностью, и что удивительно, они все через одну были или восходящими актрисами, или подающими надежды телеведущими...

Получивший там же, в прошлой жизни, устойчивый иммунитет от женских манипуляций, Лёха, в общем то свободно болтающий на английском, совсем перестал вслушиваться в смысловую нагрузку её речи.

Не моргнув глазом, он просто улыбался, забыв проявить эмоциональную отзывчивость и на задушевные женские разговоры не повёлся. Сочувственно прослушав монолог красотки о не лёгкой женской доле, козлах мужчинах, пидар**сах режиссёрах и прочих трудностях съёмочной жизни, из-за которых она сбежала на три недели развеяться в Испанию, ну и конечно о вечных поисках себя. Наш герой, как истинный джентельмен, просто перевернул красотку на животик и, понизив голос до соблазнительного шепота, промурлыкал ей на ухо:

– А давай лучше я тебя Ляля-Бася!

И не дожидаясь ответа, он приступил к реализации своего обещания.

Надо сказать, что этой ночью он едва не поплатился за свою необразованность, когда, отвечая на какой-то вопрос, выдал: *"Об этом я подумаю завтра."* Внезапно последовал форменный допрос с пристрастием, и только тогда Лёха вспомнил, что это же цитата из *"Унесённых ветром"*! Мозги скрипнули и вдруг радостно выдали, что там были Вивьен Ли и Кларк Гейбля. Как оказалось, лучше бы его разбил склероз!

– Какой позор! Фильм еще не снят, а в далёкой Испании уже даже русские лётчики знают, что меня не взяли на эту роль! – рыдала навзрыд офигевшему Лёхе в рубашку слегка пьяная Кэтрин.

Лёхе поведали, что эта беспринципная, фригидная отвратительная британская интриганка – Ли, то есть Вивьен, наверняка спала с режиссёром, Кларком и ещё половиной Голливуда, лишь бы умыкнуть роль, прямо-таки созданную для Кэтрин.

– Хорошо быть молодым, – подумал Лёха, закрывая ей рот поцелуем и вновь переворачивая несостоявшуюся актрису в более правильную позицию.

– Зато ты спала с русским лётчиком! – совершенно объективно заявил он, активно вырабатывая в её организме максимум эндорфинов.

Рано утром его новая знакомая была вынуждена куда-то срочно уезжать. Слегка смущённо она нежно чмокнула Лёху в губы и вручила ему свою фотографию с адресом, взяв с Лёхи обещание непременно к ней заехать в Калифорнию.

Провожая Кэтрин около отеля, Антуан охал, ахал, целовал ей руки и говорил, как он искренне сожалеет об её таком скором отъезде. Лёха обошёлся дружеским щипком в затылочную часть актрисы, наслаждался радостным взвизгиванием и последовавшим за ним чувственным поцелуем. Стоя рядом с Антуаном и махая вслед уезжающей Кэтрин рукой, он достал подаренную фотографию. На фотографии Кэтрин позировала в дурацком чёрном платье с жабо на шее и странной шляпке блином. Губы были строго поджаты, как бы намекая, что любимым Лёхиным шалостям нет места в приличном обществе.

Лёха напряг свои затуманенные алкоголем извилины, которые, к тому же, страдали от недосыпа и перегрузок, и задумался: кто такая эта "тётка в жабо"?

В итоге плюнув на конспирацию Лёха показал фото и спросил француза, кем же была эта загадочная женщина.

– Алекс, ну ты просто феномен! – захохотал Антуан. Он смеялся до слёз, приседая и хлопая себя по коленям, и наконец пришёл в себя и пытаясь восстановить дыхание произнёс:

– Отодрать звезду американского кинематографа и даже не знать об этом!

Перевернув фото Лёха с удивлением прочитал подпись обороте: *"Настоящему русскому герою! От Кэтрин Хепбёрн."*

Лицо вроде смутно знакомое, но память отказывалась выдавать подсказки. Кино он не особо смотрел, а уж тем более старые фильмы. Разве что Ван Дамма или Шварца он бы конечно узнал, но актрисы той эпохи пролетали мимо его интересов.

– А вы кстати разве на Международный конгресс писателей-антифашистов не остаётесь? Его специально перенесли из Валенсии в Мадрид, что бы поддержать защитников города! Я буду освещать для своей газеты "Пари-Суар", что по вашему означает "Парижский вечер", – спросил его француз.

– Извини "Парижский вечер" – пошутил Лёха, называя Антуана да Сен-Экзюпери по имени его газеты, – мы не можем! Нам ихнюю Родину от франкистов защищать нужно! – добавил Лёха пафоса в свой голос.

Лёха отловил в отеле "Флорида" помятого, но уже достаточно бодрого Кузьмича. Пожав руки и перецеловавшись с толпой знакомых и не очень людей, два слегка потрёпанных жизнью русских пилота отправились обратно на аэродром. Им предстояло снова сеять страх и ужас среди франкистов.

Правда перед этим Кузьмич вытащил свой верный фотоаппарат "Контактс" и отщёлкал половину плёнки, запечатлевая всех участников этой бурной встречи.

Начало июня 1937 года. Кабинет товарища Сталина, Москва, Кремль.

Совещание, посвящённое выполнению планов по производству новой техники, подходило к концу. Кабинет наполнил густой табачный дым. В углу негромко тикали настенные часы, время от времени заглушаемые звуками листающих бумаги членов правительства. Товарищ Сталин, облачённый в привычный френч, неспешно ходил за спинами присутствующих, неторопливо набивая трубку табаком. Его движения были обманчиво расслабленными, но каждый, кто находился в комнате, понимал, что этими неспешными движениями обманчивы. За мягкими шагами скрывается непреклонная воля, цепкий ум и полное отсутствие снисходительности.

За длинным столом, заставленным папками, бумагами и чертежами, собрались ведущие капитаны советской промышленности, наркомы, высшие чины армии и партийные деятели.

В конце совещания Сталин остановился за спиной начальника ВМС РККА Владимира Орлова, сделал несколько затяжек и, выдохнув дым, внезапно задал вопрос:

– Товарищ Орлов, как продвигается строительство новых кораблей?

В комнате повисла напряжённая тишина. Все взгляды обратились к Орлову, который вскочил с места и вытянулся по стойке смирно.

– Товарищ Сталин, мы прилагаем все усилия к выполнению «программы крупного морского судостроения», – начал он, тщательно подбирая слова. – Однако... имеются значительные отставания от графика.

Сталин слегка прищурился, но ничего не сказал. Орлов продолжил, чувствуя, как у него перехватывает горло:

– Из восьми запланированных больших линкоров типа «Советский Союз» все пока находятся в стадии проектирования. Что касается шестнадцати малых линкоров – мы согласовываем с промышленностью техническое задание.

Из двадцати лёгких крейсеров типа «Киров» один уже спущен на воду, два находятся в финальной стадии строительства, а ещё один заложен на стапеле по улучшенному проекту 26-бис.

Лидеры эсминцев: из семнадцати предусмотренных в программе, один уже сдан флоту, три проходят испытания, ещё три находятся на стапелях.

По эскадренным миноносцам ситуация наиболее позитивная: из 126 кораблей два спущены на воду, 30 строятся.

Орлов замолчал, коротко взглянув на вождя. На лице Сталина не дрогнул ни один мускул.

– Строительство идёт крайне медленно, – добавил Орлов, решив, что лучше быть честным. – Мы сталкиваемся с задержками поставок. Многие узлы и агрегаты приходится переделывать, чтобы они соответствовали требованиям. Думаю нужно...

Сделав паузу, он выдал из себя самое опасное предложение за весь вечер:

– Может быть, товарищ Сталин, есть смысл временно отложить проектирование и строительство линкоров? Они занимают 53 процента водоизмещения и более половины бюджета флота и есть огромное подозрение, что промышленность столкнётся с огромными трудностями... Освободившиеся средства лучше направить на развитие сторожевых кораблей, тральщиков, морской авиации и оборудования ПВО баз флота... И на тыловое обеспечение...

Едва он закончил, в кабинете воцарилась гробовая тишина. Члены совещания напряглись, казалось каждый боялся дышать. Орлов стоял, не смея опустить взгляд. Ворошилов уставился в бумаги перед собой, будто те внезапно стали для него чрезвычайно интересны. Каганович, сидевший чуть дальше, втянул голову в плечи, словно пытался спрятаться. Только Николай Ежов, сидящий неподалёку от вождя, подобострастно наблюдал за ним, стараясь уловить малейшие изменения в его настроении.

Сталин остановился, сделал ещё несколько шагов к своему креслу, сел, склонившись вперёд, и произнёс:

– Вы считаете, что трудовой народ не в состоянии построить наши советские линкоры?

Голос его звучал ровно, но холод в интонации заставил Орлова замереть. Вождь медленно продолжил:

– Энтузиазм и творчество масс, умноженные на достижения индустриализации и рациональное планирование, более чем достаточно для успешной реализации программы кораблестроения. Товарищ Ежов, а что может доложить НКВД по этому поводу?

Ежов тут же вскочил, будто его подбросило пружиной.

– Возможно, в руководстве ВМС РККА зреет военно-фашистский заговор? Или в руководстве Народного комиссариата оборонной промышленности во главе с товарищем Кагановичем? Зря что ли туда был включён Главморпром, ставший теперь 2-м Главным управлением этого наркомата? Заметьте опять во главе с заместителем наркома флагманом флота 1 ранга товарищем Орловым... – Сталин вкрадчиво снова спросил Ежова.

Ежов радостно переводил глаза с Орлова на Кагановича и готовый действовать, выпалил он с энтузиазмом:

– Органы НКВД вычистят "врагов народа" и прочих недобитых троцкистов и "вредителей", окопавшихся в этих наркоматах ...

Сталин махнул рукой, прерывая его выступление.

– Сидите, товарищ Ежов. Потом доложите, – сказал он, словно отгоняя надоедливую муху.

Орлов почувствовал, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Ежов сел, бросив недобрый взгляд на начальника ВМС. Но Сталин не дал передышки:

– А что творится в Испании! Вот товарищ Орлов не хочет строить большие корабли, тогда почему мы не можем провести помощь коммунистам Испании через Средиземное море? Три наших корабля уже захвачены и потоплены итальянцами! Почему бездействует флот! И что у вас произошло с атакой на немецкий линкор? Почему немцы нам заявляют претензии?

Орлов катнул желваки и перешёл к ответу сразу на последний вопрос. Он слегка расправил плечи, обретая некоторую уверенность. В этой теме он чувствовал себя чуть более спокойно.

– Товарищ Сталин, в ответ на обстрел немецким линкором «Дойчланд», стоящим в захваченном мятежниками порту Ибица. Линкор немцев, в нарушение всех договорённостей, был в порту испанских фашистов и первым открыл огонь. Наши лётчики провели ответную атаку сбросив бомбы. Попали четыре раза, немецкий линкор повреждён. Официально республиканское правительство объявило, что пилотировали испанские лётчики.

На лице Сталина появилась едва заметная улыбка. Он впервые за вечер стал выглядеть немного довольным.

– Кто из советских лётчиков участвовал в атаке? – спросил он, снова вставая и выпуская дым из трубки.

– Старшие лейтенанты Остряков, Хованский и Хренов, – отрапортовал Орлов.

Сталин вопросительно посмотрел на Ежова.

– Есть смысл вызвать их из Испании и допросить как следует, – тут же снова влез Ежов.

На этот раз похоже он не угадал с ответом и Сталин бросил на него неприязненный взгляд.

Вождь народов задумался, сделав несколько медленных шагов вдоль окна.

– Пусть летают, – сказал он наконец, словно принял судьбоносное решение. – Пусть продолжают сеять страх среди фашистов! – Он сжал кулак здоровой руки и погрозил воображаемому противнику.

После этих слов Сталин снова затянулся трубкой. Совещание закончилось.

Начало июня 1937 года. Аэродром Алкала, окрестности Мадрида.

Ранее утро в ангаре началось с привычного военному уху шума – механики проверяли двигатели, оружейники готовили боекомплект, а пилоты подтягивались к своим машинам, лениво переговариваясь. Лёха сидел на ящике у входа в ангар, задумчиво поглаживая карту в планшете, и смотрел, как готовят вдалеке его любимую СБшку, когда к нему подошёл Кузьмич с неизменной сигаретой в зубах. Он сел рядом, стряхнул пепел и произнес:

– Слышал, Лёша? Вчера наши опять попали под жаркое, – сказал Кузьмич, немного понизив голос.

Лёха приподнял бровь, выпрямился и внимательно посмотрел на Кузьмича.

– Да ладно, чего там было? Давай выкладывай.

Кузьмич затаился, на мгновение прикрыл глаза, а потом выдохнул дым, словно собираясь с мыслями, и затушил бычок, кинув его в бочку с бензином. Лёха хоть и знал приколы своего штурмана, всё равно нервно подпрыгнул.

– Кузьмич! Надоел со своими шуточками! – возмутился Лёха поведением штурмана.

– Только пары взрываются, а сам бензин не горит, – аргументировал Кузьмич.

– Иди лесом, естествоиспытатель хренов! От меня подальше проверяй свои теории, – Лёха не был настроен проглатывать на такие шутки.

– Ладно. Вчера вечером, часов в пять, наши пять бомбардировщиков СБ возвращались после налёта. Не успели они отойти, как на них накнулись пятнадцать «мессеров» и ещё какие-то «двухместные истребители».

– Пятнадцать? – переспросил Лёха, присвистнув. – Да ладно! Откуда столько "мессеров"? По три на каждый самолёт! Мы с тобой максимум двух видели одновременно... Мне кажется наши с испугу насчитали. Ну и как? А чьи экипажи?

Кузьмич кивнул, но взгляд у него был тяжёлый.

– Не знаю, чего они там насчитали, только четыре машины вернулись, а одному не повезло. Самолёт сгорел в воздухе. Лётчик и стрелок успели прыгнуть с парашютами, а вот штурман похоже погиб. Испанский экипаж был. Чёртова война...

Лёха промолчал, давая Кузьмичу продолжить:

– Зато, – Кузьмич чуть поднял палец, – наши не просто так огребли. Республиканцы заявили, что сбили один из «двухместных». Упал он рядом с подбитым СБ, на нейтральной полосе.

Лёха мрачно кивнул, понимая, что это реальность, от которой не уйти и сказал:

– А нам сегодня тоже нарисовали – штаб Франко в Саламанке. И прикрытия не дают сегодня, истребителей на сопровождение не хватает, они на охране Мадрида сегодня задей-

ствованы. Нам всего четыре сотки подвесили на внешние и камеру в бомболюк сунули. Какие мысли на этот счёт?

Кузьмич стоял, привалившись к стене ангара, со спичкой в зубах, разглядывая безоблачное небо.

– Веса нет считай и движки у нас пока свежие. Видимость сегодня прекрасная, Лёша, если пойдём на высоте – собьют к чёртовой матери, – заговорил Кузьмич, выплёвывая обгрызенную спичку на бетонку, – давай на бреющем? Я командовать буду влево-вправо, а ты рули. Горную гряду после Мадрида перескочим на двух тысячах и прижимайся к земле метров до трёхсот? А перед самой Саламанкой горку сделай и затем в пологое пикирование. Прямо на их сраный штаб. Я тут высчитывал, вроде должно получиться! – водил прокуренным пальцем по карте Кузьмич.

– Добро, – решительно отозвался Лёха, изучая карту. – Меньше времени в зоне ПВО, меньше шансов, что нас засекут. А засекут, глядишь не успеют отреагировать и будем надеяться не успеют перехватить...

Глава 5. Хрен ишака

Начало июня 1937 года. Аэродром Алкала, окрестности Мадрида.

Глянув по привычке на ставшее уже традицией творчество Кузьмича, Лёха на этот раз прочитал особенно вдохновляющую надпись, которую тот вывел поочередно на трёх из четырёх подвешенных бомбах:

«Франко! Чтоб ты обоср@лся!»

Последняя бомба сияла, исписанная более мелким и совсем корявым почерком.

Она несла послание франкистам: «Сана Эшекчут!» – и для непонятливых испанцев на русском совсем мелко был приписан перевод:

– «Ишачий Хрен тебе! – от Али Бабай Оглу...» и далее шло перечисление родственников и друзей туркменского стрелка. Видно места не хватало для полного перечня отправителей и товарищи толкались, напозлали друг на друга и ужимались в количестве букв. Мелок художника иногда срывался, отчего казалась, что бомба украшена вычурными белыми узорами.

– Камандира! Кузьмича совсем жадный стал, всего одна бомба дал писать! Эта совсем маленький! Следующий раз большой бомба бери! – расстроено пожаловался сын туркменского народа, не сумевший вписать всех своих друзей и знакомых в небольшой привет к Франко.

Коротко хмыкнув, Лёха подумал, что это пожелание вряд ли останется не замеченным, если они сработают точно.

И Лёха даже не подозревал, насколько он был близок к истине в своих мыслях!

Солнце только поднималось из-за горизонта, нагревая аэродром так, что над землей задрожало искаженное марево воздуха. Ветра почти не было, день обещал быть жарким. Лёха провёл рукой по шлемофону, и бросив взгляд на самолёт и пошёл делать предполётный контроль. Всё было готово.

Лёха не стал форсировать двигатели, разбежавшись по казалось бы бескрайней взлётной полосе, самолёт легко оторвался от земли и пошёл набирать драгоценные метры высоты. Высотомер начал привычно откручивал обороты своих стрелок, моторы ровно рычали, самолёт уверенно лез вверх и набрав два километра высоты, Лёха плавно отдал штурвал от себя и перевёл свой аэроплан в горизонтальный полёт.

– Лёша, курс ноль шестьдесят. Давай дадим небольшой крюк и зайдем ровно с востока, солнце нам тогда как раз в хвостик светить будет, – отозвался Кузьмич из передней кабины, привычно контролируя маршрут и не забывая осматривать горизонт.

– Добро, – коротко ответил штурману Лёха, и отработав штурвалом вывел самолёт на нужный курс. Прокладывая маршрут, они постарались по возможности избегать крупных населённых пунктов и засечённых зон ПВО. Весь их план держался на скорости и неожиданности.

Через двадцать пять минут полёта, перемахнув лежащую между Мадридом и Саламанкой горную гряду, Лёха начал плавно снижаться, выводя самолёт на высоту в пятьсот метров над поверхностью земли.

– Лёша, вправо два, так, теперь держим ровно, норма, – раздался голос штурмана.

– Понял, – коротко ответил Лёха, контролируя горизонт.

Под крылом мелькали аккуратно обработанные лоскутки полей, уже выжженные ярким летним солнцем, иногда проносились маленькие домики, сараи и какие то постройки. Узкими змейками тянулись пыльные грунтовые дороги, кое-где проглядывали перелески. Всё это выглядело так мирно и спокойно, что Лёха на мгновение ощутил странный контраст: где-то там, на земле, жизнь шла своим чередом, а они здесь, в небе, несли на борту свою огненную "почту".

– Слушай, Лёш, а красиво тут, – неожиданно проговорил Кузьмич, оторвавшись от приборов и взглянув вниз, – Прямо на картинке. Десять минут до цели!

– Снижаюсь до трёхсот, – предупредил Лёха, снова сосредоточенно пилотируя самолёт.

– Понял, – коротко ответил Кузьмич, не отрывая взгляда от приборов.

Напряжение в кабине ощутимо возросло. До Саламанки оставалось совсем немного. Противник пока не подал признаков жизни, но это было вопросом времени. Казалось, что каждое лишнее мгновение в воздухе приближает их к риску быть замеченными.

Кузьмич оторвался от приборов, взял бинокль и осмотрел горизонт.

– Справа мелькает движение. Похоже, колонна, – сообщил он.

– Принято, – ответил Лёха, чуть поджимая рычаг газа. – Жалко наши подарки не для них.

Начало июня 1937 года. Аэродром Матакан, окрестности Саламанки.

Ещё через пять минут напряжённого полёта, когда Лёха буквально чувствовал каждое движение самолёта, в наушниках раздался голос стрелка:

– Камандир! Впереди справа шесть фашист, бомберы на посадку заходят.

Лёха повернул голову, глядя в горизонт, и действительно заметил группу из шести трёхмоторных бомбардировщиков, которые уже выстроились в стройную посадочную кишку. Они шли друг за другом, держась с интервалом в восемьдесят – сто метров.

– Юнкерсы, пятьдесят вторые, – коротко прокомментировал Лёха по радиации, прикидывая варианты.

И тут в его голове мелькнула мысль – дерзкая, но чрезвычайно привлекательная. Он аккуратно сбросил скорость, дал ногу, нацелившись ровно в хвост колонны светло-серых немецких самолётов с характерными хвостами, украшенными чёрными крестами на белом фоне.

Пока низко идущий, буквально подкрадывающийся советский бомбардировщик оставался незамеченным немецкими самолётами.

«А ведь аэродром Матакан у нас стоит как запасная цель», – удовлетворённо подумал Лёха, обдумав свой план.

– Кузьмич! Сейчас я выпущу шасси и пристроюсь метрах в ста позади и чуть ниже замыкающего. Держи их в прицеле. Как увидишь, что передние самолёты сели, вали наглухо замыкающего из пулемёта! Потом командуй и я пройду над приземлившимися машинами, кидай три бомбы с интервалами. Четвёртую оставляй, мы её в их штаб отвезём и там вручим, – проинструктировал Лёха штурмана и выпустил шасси.

– Алибабаич! Разворачивай свои шарманку и долби куда сможешь, по моей команде. А пока смотри в оба, вдруг истребители патрулировать будут над аэродромом.

Так в строю немецких «Юнкерсов» появился самозванец – советский СБ, маскирующийся под лишний борт. Пять минут, пока группа медленно шла на посадку, показались Лёхе вечностью.

– Подходим, вижу аэродром, – в наушниках донёсся голос Кузьмича, – замыкающий в прицеле. Первый сел... второй... – Кузьмич спокойно отчитывался об успехах немецких авиаторов.

– Пятый заходит! Лёха, пора!

Лёха дернул кран уборки шасси, добавил обороты двигателям, быстро сокращая дистанцию и скомандовал:

– Огонь!

Грохот пулемёта Кузьмича эхом прокатился по кабине. Огненная очередь крупнокалиберных пуль уткнулась в левый двигатель идущего впереди самолёта, вызвав яркую вспышку и последующий за ней огненный факел.

Лёха чуть подрулил нос своей СБшки, помогая Кузьмичу целится и следующая очередь штурмана прошла центральный двигатель, ворвалась в кабину самолёта, круша всё на своём пути. От «Юнкерса» полетели куски стекла и обшивки.

Самолёт ещё секунду летел прямо, потом вздрогнул и стал медленно заваливаться через левое крыло, превращаясь в пылающий костёр. Он начал распадаться прямо в воздухе, оставляя за собой шлейф огня и обломков.

Лёха дал полный газ и потянул штурвал на себя, перепрыгивая через сбитый самолёт врага.

– Вправо! Ещё вправо! – заорал в рацию Кузьмич, выводя их над катящимися по полю немецкими самолётами, – сброс!

Самолёт встряхнуло, отправляя бомбы в короткий полёт. Буквально через пять секунд внизу последовательно грохнуло три мощных взрыва.

Лёху хорошеньки тряхнуло, казалось СБшка получила пендаль под зад.

Треснувшись головой об остекление кабины, Лёха удержал машину в воздухе,

– Кузьмич! Не иначе твои надписи сработали! Как то уж больно громко получилось. Я вон башкой треснулся даже! – весело прокричал он в рацию, выплёскивая адреналин.

– Тебе не страшно, всё равно у тебя там кость одна, нечему сотрясение получать! Вот если бы ты свои грабки повредил, то тогда беда, чем бы штурвал крутить стал! – раздался в радиации ехидный голос Кузьмича.

Проскочив аэродром, самолёт понёсся к следующей цели, оставляя за собой пылающий хаос. Лёха отдышался, расслабив хватку штурвала, и усмехнулся:

– Всё, теперь точно исполнили пожелание Кузьмича опорожниться Франко, как следует!

– Не Лёха! Это Алибабаевский «Хер Ишака» вниз улетел, вон как он по аэродрому подпрыгивал! Мое пожелание в штаб к ним едет! – видно Кузьмич тоже хапнул прилично адреналина и только начал приходить в себя.

– Кузьмич, собрались, рули в штаб на Саламанке, – Лёха вернул в рабочий режим расшалившийся экипаж.

Начало июня 1937 года. Центр города Саламанка.

Лёха Аккуратно выровнял бомбардировщик на трехстах метров и снова сосредоточился на управлении самолётом. В кабине стояла тишина, нарушаемая только ровным гулом двигателей. Позади них внизу пылали немецкие «Юнкерсы» на аэродроме Матакан.

Через буквально пять минут полёта Лёхин бомбардировщик уже заходил на центр Саламанки, целясь в штаб Франко.

Далеко впереди справа Лёха увидел несколько выющихся высоко в небе точек.

– Лёша, вправо три, еще чуть-чуть, так, теперь ровно, в прицеле. Сейчас зарядим им подарок! – командовал Кузьмич в рацию, прикинув к прицелу.

– На боевом, – отозвался Лёха, ведя самолёт как по ниточке, инстинктивно парируя его малейшие колебания. В уме Лёха уже прикидывал, как быстро нужно будет сматываться после сброса.

Генерал Франсиско Франко разместил свой штаб в здании, известном как Casa Lis, Дом Лис, расположенном на набережной с красивым видом на утопающие в зелени острова посреди реки. Это модернистское четырехэтажное здание с небольшим внутренним двориком было построено в начале двадцатого века, уже его удобства слегка устарели к началу войны, но тем не менее оно исправно служило резиденцией Франко и его командования.

– Три, два, один. Сброс!! Пошла! Ловите подарок! – Кузьмич кричал в рацию

Бомба с характерным свистом понеслась вниз, нацеленная прямо в крышу штаба. Но то ли ветер чуть сдул, то ли Кузьмич чуть недодержал прицел, и бомба угодила в угол здания со стороны несущегося, как ураган, бомбардировщика. На секунду всё вокруг вздрогнуло от взрыва, и вот тут начался настоящий ад.

Бомба угодила точно в пристроенный сбоку туалет штаба, испарив всех его посетителей. Взрыв, к сожалению ослабленный толстыми стенами здания, все равно с невероятной силой поднял содержимое выгребной ямы в воздух, смешал его с обломками строения и частями людей. Вышибив двери это содержимое, словно неуправляемый смерч, влетело напрямик в зал для совещаний.

Военные руководители франкистов, терпеливо дождавшиеся генералиссимуса, сидели в просторном зале, обсуждая планы дальнейших операций. Генералиссимус задерживался, и настроение в зале было напряжённым. Их общение и оживлённые жесты мгновенно были прерваны влетевшим в зал торнадо из дерьма, камней, грязи и обломков, валя на пол людей, переворачивая и раскидывая их, словно тяпочные куклы. Охрана, стоявшая у дверей замерла на полу изломанными фигурками, снесённая взрывной волной. Генералам, сидевшим за столом совещаний у дальней стены повезло чуть больше.

Вся комната наполнилась дикой руганью, криками боли, стонами и кашлем. Все, кто находился в зале, оказались раскиданы, покалечены и покрыты различным слоем дерьма с ног до головы. Разорванные мундиры, сбитые фуражки, растрёпанные волосы – люди со стонами, пытались подняться и прийти в себя.

И в этот момент с другой стороны зала дверь резко распахнулась, и на пороге появился сам слегка опоздавший генералиссимус Франко. Он, как обычно, был безупречно одет в свой белоснежный парадный мундир, сияющий чистотой.

Он замер на секунду, глядя на своих подчинённых, которые выглядели так, будто их только что долго полоскали в выгребной яме.

– Все в говне, а тут я, весь в белом! – зло проговорил ошарашенный генералиссимус.

– Это знак, команданте, – мрачно добавил кто то из военных, хватая со стола грязный лист бумаги и безуспешно пытаясь вытереться, чем только ухудшил ситуацию.

Франко, осознав весь масштаб катастрофы, попытался что-то сказать, но запах выгребной ямы и зрелище полностью парализовали его. Он резко развернулся и покинул не состоявшееся торжественное заседание, сорванное одним разгильдяем.

Тем временем Лёха, заложив крутой вираж, развернулся и с набором высоты прошёл над зданием штабом в обратном направлении. Кузьмич открыл бомболюк и не жалея плёнки снимал результаты налёта. Жалко камера не могла передать звуки и запах произошедшего.

Затем Лёха опустил нос и добавил оборотов моторам, что было скорости удирая с места событий. Самолёт снова летел на бреющем, почти касаясь крыш домов и верхушек деревьев.

Барражировавшие над городом итальянские «фиаты» только развернулись, пикируя в сторону штаба и теперь безнадёжно опаздывали на встречу с Лёхиным бомбардировщиком.

– Лёша, ты видел? Мы куда то здорово попали! Правда, не совсем туда, но эффект... – Кузьмич буквально захлёбывался от восторга.

– Кузьмич, это что было? – Лёха наконец выдохнул, когда самолёт вырвался за пределы города.

– Ну, ты же сказал попасть по штабу. Вот по штабу и попали. Кто же виноват, что они сортиры строить не умеют! – ответил Кузьмич, даже не пытаясь сдержать смех.

Сзади голос Алибабаича прозвучал с явным восторгом:

– Камандир! Я люк смотрел! Фашиста из окна выскакивал, много! Как таракан, совсем оборванный и грязный бежал! Нет! Мой «Хрен Ишака» сюда прилетел! Кузьмича бомбы на аэродром были! – оспорил лавры попадания Алибабаевич.

– Заткнитесь вы оба, – не выдержал Лёха и весело заржал в рацию.

Сзади Алибабаич уже не мог удержаться и хохотал во всё горло:

Тем временем Лёха, выведя СБ из крутого манёвра, уходил от Саламанки всё дальше.

Прошло полчаса полёта. Лёха поднял самолёт до трёх километров, держа курс на Мадрид. Двигатели ровно ревели свою монотонную песню, приступ смеха прошёл и теперь экипаж сосредоточился на возвращении. Вроде бы всё было тихо, но в груди у Лёхи неприятно ёкнуло, когда Кузьмич подал голос:

– Командир, вижу точки на десять влево спереди. Высоко. Истребители похоже.

– Далеко? – нахмурился Лёха, всматриваясь в небо сквозь плексиглас кабины.

– Пока да, но мы к ним, как экспресс, стремительно несёмся в гости. Дай вправо, попробуем обойти, пока они охоту не устроили. Бензина у нас много остаётся, – ответил штурман, потянувшись и приводя пулемёт в боевое положение.

Лёха скрипнул зубами. Возвращение мечталось быстрым и тихим, но видимо его карма не позволила.

– Алибабаич, приготовься..

– Всегда готов, – отозвался стрелок.

– Лёша, будем драться или свалим? – спросил Кузьмич, осматривая небо.

– Попробуем удрать, командуй, куда рулить, – ответил Лёха, чувствуя, как внутри уже накапывает знакомое чувство азартного ожидания, – а там посмотрим, — тихо добавил он.

Точки на горизонте видимо заметили пытающийся смыться бомбардировщик и рванули на перехват. И вскоре стало понятно, что они ничуть не уступают в скорости советскому бомбардировщику, а может даже и выигрывают ...

– Лёша! «Мессеры», – вышел в рацию штурман.

– Ну, понеслась, – выдохнул Лёха, переводя самолёт в лёгкое снижение.

Как не старался Лёха выжать скорость из их самолёта, пара истребителей постепенно подошла на дистанцию в несколько сот метров, будучи метров на пятьсот выше бомбардировщика. Немецкие пилоты, похоже, разглядели их и не торопясь планировали атаку.

Словно в подтверждение, «мессеры» чуть качнули крыльями и резко ушли в пикирование, заходя им в хвост.

– Ну вот, и началось, – буркнул в рацию Кузьмич, – Давай, Лёша, крути педали!

Глядя в заднее зеркало Лёха выждал, когда истребители разгонятся в пикировании, крутанул штурвал и дал ногу, уворачиваясь от атаки. Трассеры очередей пронеслись в опасной близости от крыла самолёта, двигатели самолёта крутились как бешенные, выдавая максимум мощности. Увидев, что первая атака не удалась и «мессеры» оказались за хвостом, Лёха отрулил и взял курс прямо на Мадрид.

СБ начал уходить в сторону Мадрида, заставляя противника догонять и маневрировать.

– Алибабаич! Береги патроны, долби только если они подойдут ближе, – скомандовал Лёха.

– Хорошо, командир, только подставь их поближе! – донёсся задорный голос стрелка.

Мессеры были несколько быстрее их бомбардировщика и почти нагнали их, когда сквозь наушники Лёхи раздалась короткая очередь загрохотавшего пулемёта. Стрелок не стал ждать. Очередь прошла чуть мимо, но этого хватило, чтобы «мессер» немного дернулся и буквально отскочил в сторону.

Игра началась

Глава 6. По краю ходим мы...

Начало июня 1937. Небо между Саламанкой и Мадридом.

На фоне бескрайнего голубого неба их бомбардировщик СБ выглядел крохотной мошкой, уворачивающейся от пары таких же мелких, но кусачих насекомых.

Лёха бросил глаз на обороты двигателей, пока оба перебранных испанцами мотор вертели пропеллеры даже лучше своих советских оригиналов. Стрелки температуры двигателей дрожали почти у красной черты, но пока моторы не плохо справлялись.

«Как бы не перегреть!» – где то в подсознании Лёхиного мозга сидела заноза.

Пара «мессеров», промахнувшись в первой атаке, лезла вверх стараясь набрать высоту. Надо сказать, что безусловного превосходства в скорости или скороподъёмности у истребителей не было. Да, они были чуть быстрее, резвее пикировали и скорее всего несколько манёвреннее. Но, дальше начинались такие важные но. Но совсем не на много, и это наблюдение сильно прибавило Лёхе оптимизма. Многое зависело от раскладов встречи истребителей и бомбардировщика.

– Камандир! Правый крыло три дырка есть. Небольшой. Так, маленький дырка. – «порадовал» Лёху Алибабаевич.

Лёха вытянул шею, и некоторое время всматривался в правое крыло сквозь мутноватый плексиглас, но дырок или каких то повреждений не увидел.

«Ладно, будем аккуратнее с правым крылом» – отогнал он несвоевременную мысль о возможных повреждениях.

Теперь же советский бомбардировщик резво удирал от своих немецких преследователей, маневрируя и зло огрызаясь крупнокалиберными пулями, и с каждой минутой всё становясь всё ближе к внезапно ставшему таки желанным Мадриду.

Горная гряда, опоясывающая Мадрид с северо-запада и возвышающаяся на пятьсот-восемьсот метров над окружающей её равниной, уже была отчётливо видна и теперь, казалось, заполняла весь горизонт. Для Лёхи, идущего на уровне вершин, она выглядела чем-то вроде бесконечного зелёного забора с серыми проплешинами, упершегося прямо в его курс.

Вершины, неровные и поросшие пятнами низкорослого леса, сливались в единую полосу, оставляя лишь узкие тёмные провалы между собой – ущелья и лощины, которые могли стать либо спасением, либо смертельной ловушкой. Внизу среди горных складок угадывались крохотные белые мазки – то ли стада овец, то ли разбросанные по склонам дома.

– Лёша! Десять влево будет ущелье, проход к Мадриду между вершинами! – голос Кузьмича в наушниках был спокоен, но в нём чувствовалась напряжённость.

– Принял, – коротко ответил Лёха, чуть поддавая педаль руля и выводя машину в нужное направление.

Насилюя моторы, за несколько минут мессеры сумели залезть метров на пятьсот выше и теперь шли парой слева и чуть сзади, словно хищники, выжидающие удобный момент для броска. Подсвеченные солнцем, они выглядели чёрными тенями на фоне яркого голубого неба – зловещие силуэты с крестами на белом фоне,

Лёхе казалось, что он чувствует их взгляды даже сквозь обшивку фюзеляжа Сбшки. Немцы не спешили, они имели преимущество по высоте и некоторое по скорости, и пока выбирали момент для атаки.

Лёха мельком глянул на приборы – температура двигателей всё ещё опасно дрожала у красной границы, но пока опасного перегрева не было.

– Держитесь! – коротко крикнул Лёха, предупреждая экипаж.

Лёха отдал штурвал от себя и крутанул его вправо, помогая самолёту уйти в правый вираж. СБшка вошла в резкий правый вираж, показывая хвост немецким самолётам и создавая иллюзию бегства.

Ведущий немецкой пары перевернулся через крыло и стал пикировать на идущий внизу бомбардировщик. Ведомый с интервалом в секунду повторил его манёвр. «Мессеры» пошли в атаку и открыли огонь издали, трассеры уже мелькнули сбоку, но пока бомбардировщик вырывался, крутясь вправо. Лёха видел, как пикирующий «мессер» с каждым мгновением приближался, превращаясь из тёмной точки в хищную машину.

Ведущий немец подстраивался под его вираж, заходя по более крутой траектории.

«От суки драные...» – мелькнуло у Лёхи в голове.

Сзади ожил пулемёт Алибабаича, наполняя воздух грохотом и запахом пороха. Стрелок полосовал небо короткими очередями, стараясь поймать в прицел немецкий истребитель. Тот старался маневрировать, но разогнанный в не мог совершать резких манёвров.

«Мессеры» были быстрее и главное манёвреннее, заходя в хвост бомбардировщика. Через несколько секунд они окажутся в идеальном положении для стрельбы. И тогда вот уж будет большой вопрос...

«Хрен вам, гады! ...» – думал Лёха энергично крутя штурвал влево. Бомбардировщик застонал своими сочленениями, его крылья качнулись, но он послушно перевалился в противоположный вираж, заставляя атакующих корректировать прицел.

Лёха потянул штурвал на себя и убрал обороты моторов. Двигатели мгновенно сбросили обороты, натужный рёв сменился низким гулом. Скорость резко упала, машина словно наткнулась на невидимую воздушную стену.

СБшка задрала нос вверх, поднимаясь в крутой набор. Перегрузка придавила его в кресло, самолёт резко замедлился, словно зависая в воздухе. Стрелка скорости бешено закрутилась назад, время на миг замедлилось. Как только скорость рухнула почти до нуля, Лёха резко потянул штурвал вправо и одновременно вдавил левую педаль руля направления.

Машина содрогнулась, крылья задрожали, завалилась на крыло и... вдруг рухнула в штопор.

Небо, земля, горы – всё закружилось бешеным водоворотом. Кузьмич выкрикнул что-то отборное «лётчиков неправильной ориентации», в хвосте что-то зазвенело, будто Алибабаевич со всего маху вмазался головой о пулемёт. В кабине всё ходило ходуном, панели приборов содрогались, обшивка скрипела, словно самолёт пытался сбросить с себя это безумие.

Пикирующий «мессер» просвистел мимо, слишком быстро, чтобы успеть что-то предпринять. Ведомый тоже вывалился вниз, теряя позицию. Они явно не ожидали от медлительного бомбера такого манёвра.

«Выхооодим!» – молился всем известным богам Лёха, лихорадочно манипулируя органами управления самолётом. Оставалось все лишь выйти из штопора, пока не стало поздно.

Лёха добавил газ моторам, выставил элероны в нейтраль, резко дал руль направления в сторону, противоположную вращению и добавил обороты моторам. Машина рванулась, затряслась как будто в припадке, скорость вращения начала падать.

Стрелка высоты крутилась как вентилятор в жаркую погоду, высота быстро уходила.

Лёха выждал момент и потянул штурвал на себя – и самолёт взбрыкнув, вышел в ровный полёт...

«Спасибо Андрею Николаевичу, устойчивый самолёт сделал. И крепкий главное!» – думал Лёха несясь над землей к спасительному ущелью.

– Лёха, мать твою... Ну ты и псих, – голос Кузьмича был хриплым.

– Камандир! Моя вот совсем не сильно боялся, – верный Алибабаевич подбодрил командира, – так, чуть-чуть плохой слова про командиру говорил.

Но они были живы и что было мощности в моторах удирали прочь. А «мессеры», потеряв их в хаосе манёвра, теперь уходили вверх, растерянно выискивая в небе свою «потерянную» жертву.

Лёха плавно снизился и теперь СБ опять шёл на бреющем полёте, почти целуя верхушки деревьев.

– Вправо пять, вход в ущелье и дальше рули по обстановке, – Кузьмич направил мелькающий над землёй бомбардировщик в просвет между пологими горами.

Лёха лёгким движением дал самолёту небольшой крен, направляя его в просвет между пологими горами. Сбоку серые склоны с пятнами зелени метнулись навстречу, ущелье постепенно сжималось, оставляя всё меньше пространства для манёвра. Лёха поднял самолёт метров на двести от поверхности петлявшей по ущелью речки и сбросил скорость.

"Вряд-ли они станут пикировать в землю, а если заметят и будут заходить в хвост, там Алибабевич в крупном дрыном засел. А вот вцепиться в незнакомый склон нафиг надо", – справедливо рассудил Лёха.

– Алибабаич, "мессеры" видишь? – поинтересовался он обстановкой.

– Камандир, вижу, высоко идут справа, далеко вокруг большой гора пошла. Если к нам пойдут, я скажу. – ответил стрелок.

Лёха сосредоточенно пилотировал самолёт, отрабатывая изменения рельефа. В принципе, на такой высоте и скорости управление оставалось вполне послушным, но нужно было постоянно работать штурвалом и педалями, компенсируя воздушные потоки, гулявшие в узком ущелье.

Массивные крылья СБ цепляли встречный ветер, самолёт то слегка подбрасывало, то уводило вбок. Лёха мгновенно ловил крен, чуть поддавал педаль, работал элеронами, не давая машине сваливаться и заставляя её выдерживать высоту.

Из наушников раздался голос Кузьмича:

– Лёша! Сейчас будет поворот влево и за ним бери выше, там гряда и перевал уже к Мадриду.

Впереди ущелье уходило влево. Лёха заранее сбросил газ, давая самолёту потерять немного скорости, затем плавно накренил машину, задавая нужный вектор.

СБ пошёл в вираж, вписываясь в поворот, левое крыло прошло в сотне метров от скального уступа. Лёха видел, что у него нет права на ошибку – чуть больше крен, чуть резче движение штурвала, и – прощай Родина, полный рот земли – можно зацепить склон.

Скалы слева несколько приблизились, сжимая пространство. Лёха поднял самолёт, аккуратно заставив его вынырнув повыше, чтобы проскользнуть над выступающим поперёк ущелья хребтом.

В шлемофоне задался голос Алибабаевича:

– Высоко, идут над горами! В нашу сторона повернули.

Лёха скосил взгляд на край фонаря – где-то там, над вершинами, в слепящей голубизне неба мелькали тёмные точки. Немцы не полезли за ними в ущелье. Осторожничают.

– Значит, ждут нас на выходе... – пробормотал он.

СБ вырвался из тени скал на небольшой открытый участок ущелья. Лёха дал чуть больше газа, чтобы подготовиться к следующему манёвру – теперь всё зависело от того, рискнут ли немцы лезть за ним в узкое горло ущелья или предпочтут ждать его выхода.

Немцы спикировали, пытаясь перехватить бомбардировщик у выхода из ущелья. Но заметив его в последний момент, когда он перелетал над перевалом, "мессеры" не рассчитали траекторию. Они слишком поздно вошли в атаку и теперь болтались сзади, метрах в восьми-стах по дальности, и выше на сотню, но стараясь догнать.

Лёха не упустил момент – он вжал газ, выводя моторы на максимум.

СБ взревел, словно разъярённый зверь, и рванул вперёд, выжимая из себя все резервы скорости.

Началась гонка преследования.

– Лёша! После перевала влево двадцать будет наш аэродром Сото, там истребители сидят. Лёха мягко накренил машину влево и отрулил, стараясь выйти на нужный курс.

Внизу быстро мелькали холмы и редкие перелески, а на хвосте висели два «мессера», сокращая дистанцию. Лёха видел их в зеркало краем глаза – чёрные силуэты с крестами на крыльях неотступно преследовали их, выжидая удобный момент, чтобы нанести удар.

Бомбардировщик мчался к Мадриду, но не догонят ли его преследователи раньше?

– Лёша! Наши! Три "ишака"! Патрулируют над Сото! – внезапно радостно заорал Кузьмич по радию.

Лёха скосил взгляд в сторону и действительно увидел их – три крохотных силуэта, кружащиеся над аэродромом, строем разворачивались на перехват.

«Ишаки» шли навстречу, растянувшись клином, моторы надрывались, оставляя за собой дымный след сгоревшего топлива. Форсируя двигатели, они уже были в километре, уверенно приближаясь.

Сзади немцы тоже не остались равнодушными. Увидев делегацию встречающих, ведущий «мессер» заложил крутой вираж, разворачиваясь прочь. Следом за ним, не рискуя связываться с несущимися навстречу истребителями в открытом бою, развернулся и ведомый.

Мимо бомбардировщика просвистели три светло-зелёных толстеньких коlobка, азартно рванувшие в погоню за удаляющимися тощими силуэтами серого цвета.

– Удирают, сволочи! – весело крикнул стрелок.

– Ну и катитесь нахрен! – выдохнул Лёха, чуть ослабляя хватку на штурвале сбрасывая обороты двигателей.

Мадрид был уже близко. Они вернулись.

Начало июня 1937. Аэродром Алькала, пригороды Мадрида.

Усталая СБшка заходила на посадку, моторы ровно гудели на малом газу, машина уверенно скользила по воздуху, ровно выходя на глиссаду. Лёхе уже хотелось бросить штурвал – за два с лишним часа вращения этого "руля от автобуса" мышцы рук гудели от напряжения. За время полёта и последующей погони он почти слился с машиной, став с ней единым целым. Затекшая от неудобной позы спина ныла, а зад ёрзал по парашюту.

Полоса аэродрома Алькала быстро приближалась, расстилаясь перед ним широким серо-жёлтым полотном. Вокруг стояли ангары, на стоянках маячили силуэты других самолётов, а дальше виднелись белые здания штаба и казарм.

– Держи, держи... Чуть ровнее, плавнее... – влез по внутренней связи Кузьмич, тоже наблюдая за полосой.

– Я твой труба шатал, Кузьмич! Не мешай! – автоматически ответил Лёха таким "помогателям".

Колёса ударились о сухую землю с коротким стуком, СБ слегка подпрыгнул, опустился на основные шасси и побежал, постепенно замедляясь. Наконец задний дутик коснулся травы аэродрома, и машина покатилась, покачиваясь на амортизаторах. Лёха плавно убрал газ и нажал тормоза.

– Ну вот и дома, охренеть! – выдохнул Кузьмич, открывая верхний люк, чтобы аккуратно зарулить на стоянку.

Лёха сидел, откинувшись, и даже не пытался что-то увидеть. Как и в любом СБ, нос самолёта был слишком высоко задран, и перед собой он видел только небо да часть приборной панели.

– Куда рулить-то?! – расслабленно спросил он, видя вылезшего и кому-то машущего руками Кузьмича.

– Левее... Ещё левее... Ровно держи, не петляй, а то командиру инфаркт устроишь! – изгалялся штурман, видимо, переваривая выработанный за полёт адреналин. Кузьмич высунулся из верхнего люка самолёта, предпочитая рулить стоя, чем через остекление носа.

Лёха счастливо улыбался и рулил, не обращая внимания на привычные шуточки Кузьмича.

Они медленно катились по аэродрому, тяжёлый бомбардировщик слегка покачивался на шасси, воздух был насыщен запахом перегретого масла и горячего металла.

– Ну что, Лёшенька, как там твои томаты поживают? – вдруг ехидно поинтересовался в шлемофоне Кузьмич, обернувшись к Лёхе и с трудом скрывая усмешку.

– Какие томаты?! – не понял Лёха, удивлённо глядя на него.

– Самые те! Готовься, щас тебе помидоросы-то поотрывают, на томатную пасту переведут! – уже в голос заржал Кузьмич и опять кому-то активно замахал руками.

Лёха ничего не ответил, но внутри у него как-то всё сжалось.

СБ зарулил на стоянку, Лёха выключил двигатели, и внезапно тишина накрыла всё пространство вокруг. Только что воздух был полон рёва моторов, а теперь остался лишь лёгкий треск остывающего металла.

Лёха, не торопясь, вылез из кабины, потянулся, размял затёкшие плечи, покрутил задницей влево-вправо... И тут взгляд его зацепился за подпрыгивающую фигурку у командного пункта. Он так и замер.

Яркое, огненно-рыжее пятно нетерпеливо приплясывало на месте, активно размахивая руками, чертя в воздухе фигуры, которые даже издали казались подозрительно неприличными.

– Наденька! – радостно заорал командир экипажа и замахал руками в ответ.

Вот теперь Лёха точно понял, о чём говорил Кузьмич.

Душа радостно запела, но где-то внизу слегка дрогнуло... Помидоры сжались, вспомнив обо всех испанских принцессах, штопоре, погоне и прочих приключениях...

Он спрыгнул с крыла на землю, медленно двинулся ей навстречу, ощущая, как каждое движение тяжело даётся затёкшему телу.

– Лёша, командир, ты не спеши! – донёсся из-за спины голос Кузьмича. – Лучше подумай, какие последние слова выбрать!

– Может, сразу заявление напишешь, что был не виноват? – подхватил Алибабаевич.

Но Лёха их уже не слушал.

Он шёл, а потом побежал прямо к Наденьке, а она, не прекращая махать руками, помчалась к нему навстречу.

Испанские принцессы... Американские актрисы! Штопора... Да пошли все НАХРЕН!

Кажется, изготовление томатной пасты откладывалось на неопределённое время...

Глава 7. Помидоры и прочие части тела...

Начало июня 1937 года. Аэродром Алькала, пригород Мадрида.

– Привет, Хренов! – произнесло рыжее создание, сумев наконец оторваться от поцелуя и ловко слезая с его рук. – Что-то ты не очень спешил ко мне бежать!

Лёха хмыкнул, глядя на неё сверху вниз, и вытер ладонью губы, будто проверяя, остались ли на них следы её яркой помады.

– Бегущий лейтенант вызывает смех, а вот генерал – уже панику! Так что мы только пешком!

– Это ты правильно думаешь! Генеральшей быть мне очень пойдёт! – одобрила его планы карьерного роста рыжая нахалка, задорно тряхнув смешными кудряшками.

Она сделала шаг назад, вскинув голову с таким видом, будто лично назначила его минимум командующим авиацией, а затем с непринуждённым видом добавила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.